

МАРШАЛЫ СТАЛИНА

ВАСИЛИЙ

ЧУИКОВ

ОТ ПЕКИНА ДО БЕРЛИНА. 1927 — 1945

Маршалы Сталина

Василий Чуйков

От Пекина до Берлина. 1927–1945

«Алисторус»

2015

Чуйков В. И.

От Пекина до Берлина. 1927–1945 / В. И. Чуйков —
«Алисторус», 2015 — (Маршалы Сталина)

Впервые в одном томе – все воспоминания маршала, начиная с тех пор, как он выполнял военные миссии в Китае, и заканчивая последними днями Великой Отечественной войны. Многие из них не переиздавались десятилетиями. В годы Великой Отечественной Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза Василий Иванович Чуйков командовал 62-й армией, впоследствии преобразованной в 8-ю гвардейскую. У этой армии большая и интересная история. Она была сформирована летом 1942 года и завоевала себе неувядаемую славу, защищая Сталинград. Читателям известна книга В. И. Чуйкова «Начало пути», рассказывающая о боевых действиях 62-й армии при обороне Сталинграда. В этой книге автор рассказывает о том, как в составе 3-го Украинского фронта 8-я гвардейская армия принимала активное участие в освобождении Украины, форсировала Днепр,громила вражеские группировки под Никоподем и Запорожьем, освобождала Одессу.

© Чуйков В. И., 2015

© Алисторус, 2015

Содержание

Сражение века	6
На дальних подступах	6
Южная группа	33
Сражение между Волгой и Доном	43
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Василий Чуйков

От Пекина до Берлина, 1927–1945

© Чуйков В., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

Сражение века

На дальних подступах

1

Начало войны застало меня далеко от Родины, в Китае. Я состоял тогда Главным военным советником Чан Кайши и советским военным атташе в Чунцине. Чан Кайши был в то время главнокомандующим всех китайских вооруженных сил.

Когда я уезжал в Китай, война уже в полную меру охватила всю Западную Европу. Пали панская Польша, Норвегия, Бельгия, Нидерланды, Франция. Ожидалось фашистское вторжение на Британские острова. Мужественные английские летчики отражали массированные удары фашистского воздушного флота по мирным городам. Горел Лондон, превращался в руины Ковентри. Торжествовала фашистская доктрина войны: крупные механизированные колонны, война моторов, взаимодействие танковых соединений с авиацией, подводная война.

После войны, когда нам стали доступны гитлеровские архивы, мы узнали, что уже осенью сорокового года Гитлер отказался от мысли форсировать Ла-Манш. В стратегические и тактические решения явно вмешивались соображения политического характера. Нам, людям военным, это стало ясно, как только форсирование Ла-Манша перенесено было гитлеровским командованием на весну сорок первого года.

Критическое положение Англии после Дюнкерка, когда английскому экспедиционному корпусу с большим трудом удалось выскользнуть, заметно выправлялось. Воздушные налеты на Англию не поставили английский народ на колени. Выравнивалось и соотношение сил в воздухе. Из США в Англию шли караваны судов с самолетами. Промышленность Америки, пока еще медленно, но переводилась на производство вооружения всех видов.

Англия получила передышку для вооружения и подготовки к отпору. Гитлер понимал, что битва за острова проигрывалась еще до ее начала. Англия наращивала свои силы, обострились отношения с США, Япония ждала момента, чтобы вступить в борьбу за передел мира, за решение тихоокеанской проблемы «Азия для азиатов».

Могли ли мы считать в этой обстановке пакт о ненападении, подписанный 23 августа 1939 года, серьезной гарантией своей безопасности?

События могли развернуться для нас очень неблагоприятным образом. Гитлер мог достигнуть договоренности с Японией о совместном нападении на нашу страну с запада и с востока.

В мои задачи входило тогда выяснить позицию Японии; куда она устремится на север или на юг, решится ли она нанести удар по нашему Дальнему Востоку, или ввяжется в конфликт с США за передел Юго-Восточной Азии?

В позиции Японии было много неясностей. Ее собственные сырьевые ресурсы были исчерпаны, и, проводя по-прежнему милитаристскую политику, она должна была расширить границы своей агрессии. Куда? Вот в чем вопрос. Она оккупировала жизненные центры Китая, но не закрепила их.

По различным каналам из разнообразных источников в Москву стекались сообщения, что Гитлер готовит поход на восток, что в конце весны или летом может последовать нападение на Советский Союз. Даже в далеком Китае я получал такого рода информацию.

Весной сорок первого года к сообщениям о готовящемся нападении на нас Германии надо было относиться с большой осторожностью. Это же не секрет, что, повернув свой удар на восток, Гитлер избавлял Англию от серьезных угроз, по крайней мере, на несколько лет. В желающих повернуть гитлеровскую агрессию против Советского Союза недостатка не было и в прошлом, и особенно тогда, в 1941 году. Советское правительство и советская дипломатия делали все возможное, чтобы избежать войны. Это было главной задачей советской внешней политики.

Нам необходимо было выиграть год, два года, чтобы завершить перевооружение армии.

Наша авиационная промышленность имела опытные образцы самолетов, превосходящие немецкие самолеты по боевым качествам. Опытные образцы уже запускались в серийное производство. В Красной Армии создавались механизированные корпуса. Наша промышленность осваивала серийный выпуск танка Т-34 и КВ, которые по боевым качествам превосходили все немецкие танки. Запускались в серию новые виды стрелкового оружия.

Теперь известно, что мы имели множество неопровержимых сообщений о сосредоточении гитлеровских войск вблизи от нашей государственной границы. Наши пограничники указывали даже, где и в каком составе дислоцируются дивизии Гитлера, прибывшие с запада. Сталин обо всем знал. Но Сталин и наше правительство делали все возможное, чтобы оттянуть начало войны, чтобы каким-то неосторожным жестом не спровоцировать вторжение врага. Мы вынуждены были держать мощный заслон и на наших дальневосточных границах.

Гитлер в это время вел острую политическую игру. Различными каналами, через частных лиц, он прощупывал позицию Англии, не пойдет ли английское правительство на мир, не облегчит ли оно ему нападение на Советский Союз?

Гитлер все же решился на вторжение в Советский Союз, получив тем самым войну на два фронта. Были ли даны ему какие-либо надежды, что после вторжения Англия пойдет с ним на мир? Во всяком случае, такой зондаж с немецкой стороны имел место.

Война грянула.

Мне было тяжело в те дни в Китае, сердцем я был дома, со своими товарищами, которые отстаивали Родину, но задача моя была еще не выполнена.

Обстановка на фронте в лето сорок первого года складывалась тяжелой. Пал Минск, враг захватил Смоленск, прорубаясь сквозь наши заслоны к Москве, окружен Ленинград, пал Киев.

Нарастала опасность выступления Японии. Казалось бы, японские милитаристы не упустят благоприятного момента для нападения на наш Дальний Восток. Но как раз к осени начали проявляться симптомы, что Япония готовится к удару на юг, что она нацеливается на США, пользуясь тяжелым положением Англии.

Об этом шли соответствующие сообщения в Москву, но полностью полагаться на наши источники информации было нельзя. Слишком велик был риск получить удар в спину на Дальнем Востоке. К осени определилось, что Япония готовится к нападению на США.

Наши сообщения помогли Верховному Главнокомандованию вовремя сориентироваться и снять часть дивизий с Дальнего Востока в трудные дни сражения под Москвой.

Япония напала на Пирл-Харбор, США объявили войну Германии.

В начале марта 1942 года я вернулся в Москву и просил направить меня на фронт.

2

К весне сорок второго года обстановка на фронте значительно разрядилась. Трудная осень сорок первого года была позади. Под Москвой был похоронен миф о непобедимости гитлеровской армии, Красная Армия разрушила надежды немецкой военщины на блицкриг, на быструю победу над Советским Союзом. Но, охваченные авантюристическим азар-

том, фашистские правители готовили весенне-летнюю кампанию сорок второго года – новое наступление на советско-германском фронте.

По планам немецкого командования сорок второй год должен был стать решающим годом в войне, ибо Гитлер был уверен, что США и Англия не предпримут высадки своих войск в Европе в этом году, у него по-прежнему оставались развязанными руки для действий на востоке.

Однако поражение под Москвой, потери лета сорок первого года, нанесенные Красной Армией захватчикам, не могли не сказаться.

Несмотря на то что к весне сорок второго года гитлеровская армия возросла численно, получила значительное техническое оснащение, немецкое командование не нашло сил для наступления по всему фронту.

В конце 1941 года в гитлеровской армии находилось под ружьем 9500 тысяч, а в 1942 году уже 10204 тысячи. Общий численный состав армии увеличился, а начальник гитлеровского генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер занес в свой дневник такую знаменательную запись: «На 1-е мая 1942 года на Востоке недостает 318 тысяч человек. Предложено в мае направить в армию на Восток 240 тысяч человек. На период с мая по сентябрь имеется резерв из молодых призывников 960 тысяч человек. Затем в сентябре больше ничего не останется».

Несколько позже в штабе оперативного руководства ОКВ был составлен более точный документ относительно общего состояния гитлеровской армии. В справке, предназначенной для Гитлера, говорилось: «Боеспособность вооруженных сил в целом ниже, чем весной 1941 года, что обусловлено невозможностью в полной мере обеспечить их пополнение людьми и материальными средствами».

И все же к лету сорок второго года Гитлер сумел сосредоточить против нас довольно значительные силы. На советско-германском фронте он располагал шестимиллионной армией, насчитывающей до 43 тысяч орудий и минометов, свыше трех тысяч танков, до трех с половиной тысяч боевых самолетов. Силы значительные. Начиная войну Гитлер с меньшими.

Правда, на этот раз полоса наступления была сужена. Все силы для нового удара были сосредоточены на южном крыле фронта.

Гитлер предпринял поход на Кавказ с целью захвата нефтяных источников, выхода к границе Ирана, к Волге. Он, видимо, рассчитывал, что на удалении от центра страны сопротивление советских войск не будет столь основательным.

В мою задачу не входит описание всех событий на фронте весной сорок второго года, но, готовясь к рассказу о Сталинградской битве, я не могу в общих чертах не коснуться замыслов фашистского командования, ибо это поможет читателю оценить значение событий, разыгравшихся на Волге.

Выходом на Кавказ Гитлер надеялся втянуть в войну Турцию, что дало бы ему еще двадцать-тридцать дивизий. Выходом на Волгу и к иранской границе он рассчитывал втянуть в войну против Советского Союза и Японию. Выступление Турции и Японии было последним его шансом на успех в войне против нас. Только этим можно объяснить столь широкообещающий характер его директивы на весенне-летнюю кампанию сорок второго года.

Обратимся к тексту этой директивы, известной как директива № 41.

Уже вступление содержит не анализ сложившейся обстановки на советско-германском фронте, а пропагандистское пустословие.

Директива начинается такими словами: «Зимняя кампания в России приближается к концу. Благодаря выдающейся храбрости и готовности солдат Восточного фронта к самопожертвованию наши оборонительные действия увенчались большим успехом немецкого оружия. Противник понес огромные потери в людях и технике. Стремясь использовать мнимый

первоначальный успех, он израсходовал этой зимой большую часть резервов, предназначенных для дальнейших операций».

Директива – документ секретного характера, документ, с которым имели право ознакомиться ограниченный круг лиц, это документ, в котором не место пропагандистским формулировкам. Он должен точно и трезво оценивать обстановку. Мы видим, что в своей предпосылке немецкое командование совершенно неверно оценивает наши силы, и поражение свое под Москвой пытается изобразить как военный успех. Недооценивая наши силы, Гитлер в то же время переоценивает свои. Отсюда в этом документе и определяется цель.

«Цель заключается в том, – гласит директива, – чтобы окончательно уничтожить оставшиеся еще в распоряжении Советов силы и лишить их по мере возможности важнейших военно-экономических центров».

«...В первую очередь все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет».

И тут же следует оговорка.

«Окончательное окружение Ленинграда и захват Ингерманландии откладываются до тех пор, пока изменение обстановки в районе окружения или высвобождение других достаточных для этого сил не создадут соответствующих возможностей».

Эта оговорка показывает, что Гитлер, располагая силами большими, чем те, с которыми он начинал свой поход в Россию, не решился на операции по всему фронту, а все сосредоточил на юге.

Был предпринят удар под Керчью, штурм Севастополя. Гитлер сумел ценой огромных жертв полностью овладеть Крымом, подготовить фланг своего наступления на Кавказ и на Волгу.

Севастополь держался до конца июня, несмотря на все усилия захватчиков овладеть городом непрерывными штурмами.

12 мая 1942 года войска Юго-Западного фронта перешли в наступление, нанося два удара по сходящимся направлениям: с барвенковского выступа в обход Харькова с юго-запада, вспомогательный – из района Волчанска.

События, связанные с этим наступлением, широко рассматривались в исторической литературе и в мемуарах видных советских военачальников. Мне нет нужды рассказывать о них, не нуждаются они и в моих комментариях. Известно, что это наступление окончилось трагической неудачей. Наступление гитлеровцев на Волгу, на Воронеж и на Кавказ было запланировано значительно раньше, оно дало возможность противнику сломать нашу оборону и развить его вглубь и вширь. Гитлеровское командование удачно использовало сложившуюся ситуацию. Бывший гитлеровский генерал Курт Типпельскирх пишет: «Для запланированного немецкого наступления попытка русских помешать ему была только желанным началом. Ослабление оборонительной мощи русских, которого было не так-то легко добиться, должно было существенно облегчить первые операции. Но требовались еще дополнительные приготовления, которые заняли почти целый месяц, прежде чем немецкие армии, произведя перегруппировку и пополнив все необходимое, смогли начать наступление».

К концу июня гитлеровское командование закончило подготовку наступления.

Теперь мы знаем, что на южном крыле советско-германского фронта от Орла до Севастополя действовала группа армий «Юг».

Группа армий «Юг» была разделена на две группы: группа армий «А» с целью наступления на Кавказ и группа армий «Б» для удара на Сталинград.

На эти группы возлагались задачи разгромить советские войска западнее Дона.

Группа армий «Б» должна была окружить советские войска западнее Дона и соединиться с группой армий «А» в районе Сталинграда. «В любом случае необходимо попытаться достигнуть Сталинграда... Чтобы силы, наносящие удар вниз по течению р. Дон, соединились в районе Сталинграда с теми силами, которые наступают из района Таганрог, Артемовск». Так гласила директива № 41.

Первоначально силы по этим группам были распределены следующим образом.

В группу «А», которой командовал фельдмаршал Лист, вошли 1-я танковая, 17-я и 11-я полевые немецкие армии, а также 8-я итальянская.

Группой «Б» командовал фельдмаршал фон Бок. В нее вошли 4-я танковая, 2-я и 6-я полевые армии и 2-я венгерская. Кроме того, из глубины подходили 3-я и 4-я армии румын.

В общей сложности противник сосредоточил в полосе от Курска до Таганрога около 900 тысяч солдат и офицеров, 1260 танков, свыше 17 тысяч орудий и минометов, 1640 боевых самолетов. Это составляло 50 % танковых и моторизованных соединений противника, находящихся на советско-германском фронте, и 35 % всех его пехотных войск.

С нашей стороны этой ударной группировке противостояли войска Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов. Общая численность наших войск этих трех фронтов составляла 655 тысяч человек. Мы имели 740 танков, 14200 орудий и минометов, свыше 1 тысячи боевых самолетов.

Враг имел не только общее превосходство на юге, но и сумел особо усилить направления главных ударов.

Утром 28 июня 2-я полевая и 4-я танковая немецкие армии и 2-я венгерская перешли в наступление против левого крыла Брянского фронта.

30 июня нанесла удар 6-я армия.

Сталинград был еще далеко, немцы устремились к Воронежу, но сражение сорок второго года началось, втягивая постепенно все большие и большие силы в кровавую мельницу.

3

В мае я вступил в должность командующего резервной армией, которая дислоцировалась в районе Тулы и в течение мая, июня и в начале июля усиленно занималась боевой подготовкой.

В начале июля пришел приказ Ставки о переименовании нашей резервной армии в 64-ю и передислокации ее на Дон. В это время Юго-Западный фронт под ударами немецко-фашистских войск откатывался на восток. Бои шли в районе Россоси, под Луганском и за Воронеж. Нашей армии где-то на Дону или между Волгой и Доном предстояло вступить в бой с фашистскими захватчиками. Быстро погрузившись в эшелоны, войска армии направились в район сосредоточения, между Волгой и Доном.

До Балашова я ехал со штабом армии поездом, а затем, чтобы поскорее уяснить обстановку на фронте и поговорить с фронтовиками, мы с членом Военного совета Константином Кириковичем Абрамовым пересели в легковую автомашину и обогнали свой поезд.

Мы заезжали на крупные станции, чтобы проследить за движением эшелонов нашей армии. На железнодорожные станции и на движущиеся эшелоны систематически совершали налеты фашистские бомбардировщики.

На станции Фролово мы наткнулись на штаб 21-й армии. Начальник штаба при всем своем желании не мог нас проинформировать об обстановке. Где проходит линия фронта, где соседи, где противник – он не знал. Единственное, что я выяснил у него, это то, что штаб фронта находится уже на Волге, в Сталинграде.

Чем ближе мы продвигались к Волге, тем более менялась обстановка. Жители сел и деревень не ждали здесь врага, надеясь, что его наступление будет остановлено. Никто не готовился к эвакуации, шла мирная жизнь в напряженном труде. Убирали хлеб, пасли стада. В городских

поселках, на железнодорожных станциях работали кинотеатры. Это спокойствие нарушалось ночью редким огнем зениток, которые вели огонь по отдельным самолетам противника.

16 июля 1942 года мы прибыли в штаб Сталинградского фронта. Там мы узнали, что противник своими разведывательными и передовыми отрядами вышел на рубеж Чернышевская, Морозовский, Чернышковский, где был остановлен передовыми отрядами 62-й армии.

62-я армия готовилась к обороне на западном берегу Дона на рубеже Клетская, Калмыков, Суровикино, Пещерская, Суворовский. Штаб ее находился на восточном берегу Дона в хуторе Камыши, в 60–80 километрах от войск.

В это время начали выгружаться из вагонов войска 64-й армии: 112-я дивизия – на станциях Котлубань, Качалино, Филонове; 214-я дивизия – на станциях Донская, Музга, Рычков; 29-я дивизия – на станции Жутово. Остальные – на берегу Волги в 120–150 километрах от указанного штабом фронта рубежа обороны.

Штаб фронта переместился в город. Связь работала с перебоями, управление войсками от этого сильно страдало. Я не мог узнать в штабе фронта, куда и когда прибывают эшелоны армии, где выгружаются и где сосредоточиваются; сколько и каких частей уже прибыло и что они делают?

17 июля мы получили директиву командующего Сталинградским фронтом: «64-й армии в составе 229, 214, 29 и 112-й стрелковых дивизий, 66-й и 154-й морских стрелковых бригад, 40-й и 137-й танковых бригад в ночь на 19 июля выйти на фронт Суровикино, Нижне-Солоновский, Пещерский, Суворовский, Потемкинская, Верхне-Курмоярская. На этом рубеже закрепиться и жесткой обороной не допустить прорыва противника на Сталинград. Передовые отряды по одному полку с артиллерией от каждой дивизии иметь на рубеже реки Цимла...»

Задача, поставленная директивой, была явно невыполнимой, так как дивизии и армейские части еще только выгружались из эшелонов и направлялись на запад, к Дону, не боевыми колоннами, а в том составе, как они следовали по железной дороге. Головы некоторых дивизий уже подходили к Дону, а их хвосты были на берегу Волги, а то и в вагонах. Тыловые же части армии и армейские запасы вообще находились в районе Тулы и ждали погрузки в железнодорожные вагоны.

Войска армии нужно было не только собрать после выгрузки из эшелонов, но и переправить через Дон. Указанная в директиве линия обороны Нижне-Солоновский, Пещерский и Суворовский – находилась от переправ через Дон у Верхне-Чирской и Нижне-Чирской на расстоянии суточного перехода, от станции выгрузки в 120–150 километрах. Линия передовых отрядов на реке Цимла также была впереди основного рубежа обороны армии в сорокапятидесяти километрах. Войска армии после выгрузки из эшелонов должны были пройти пешим маршем от ста до двухсот километров.

Я зашел к начальнику оперативного отдела штаба фронта полковнику Рухле и, доказав невозможность выполнить директиву в установленный срок, попросил его доложить Военному совету фронта о том, что 64-я армия может занять оборонительный рубеж не раньше 23 июля.

Срок занятия оборонительного рубежа был исправлен с 19 на 21 июля.

Но и к 21 июля войска 64-й армии занять линию обороны, указанную штабом фронта, не могли.

Собирая войска, которые после выгрузки из вагонов следовали по степи на запад, к Дону, я заехал в штаб 62-й армии, находившейся в хуторе Камыши.

Командарм 62-й, высокий, стройный генерал-майор В. Я. Колпакчи и член Военного совета, чернобровый, с бритой головой дивизионный комиссар К. А. Гуров ознакомили меня с обстановкой.

Выбор оборонительной позиции для войск 62-й и 64-й армий был произведен штабом фронта по линии Клетская – Суровикино – Верхне-Солоновский – Суворовский – Верхне-

Курмоярская. Передовым отрядам в составе усиленный батальон – полк предлагалось выйти на рубеж реки Цуцкан, Чир, Чернышковский и далее по р. Цимла.

По всем нашим уставам и наставлениям обороняющийся должен прежде всего оценить противника и местность, на которой он решает принять бой или сражение и разместить свои силы в наивыгоднейшем положении. Для обороняющегося местность всегда должна быть союзником, она должна дать ему тактические выгоды для контратак, для использования всех огневых средств, для маскировки.

В то же время местность должна по возможности затормозить движение и маневр наступающего, а при инженерном обеспечении сделать ее недоступной для танков, чтобы наступающий не имел скрытых подступов и как можно дольше находился под огнем обороняющегося.

Оборонительная линия для 62-й армии выбиралась без учета этих требований. Мы не успели использовать естественные преграды – реки, речушки и овраги, которые можно было легко усилить инженерными сооружениями и сделать их труднодоступными для наступающего, позиции были размещены в голой степи, в открытых для наблюдения и просмотра их как с земли, так и с воздуха. Много получилось разрывов между обороняющимися подразделениями и частями, особенно на правом фланге, которые давали возможность противнику охватывать позиции обороны и выходить ей в тыл.

Фронт обороны западнее р. Дон для четырех дивизий первого эшелона 62-й армии был растянут на 90 километров и для двух дивизий и одной бригады 64-й армии – на 50 километров. Особенно растянутой оказалась правифланговая, 192-я стрелковая дивизия. Около одной четвертой или даже одной третьей части дивизий первого эшелона были выделены в передовые отряды на удалении от главных сил на 40–50 километров, не имея ни артиллерийской, ни авиационной поддержки. Это еще больше ослабило главную полосу обороны, сократило до минимума вторые эшелоны и резервы дивизий первого эшелона.

В то же время дивизии первого эшелона, кроме передовых отрядов, высылали боевое охранение на рубеж р. Куртлак, Нестеркин, Бол. Торновский, на расстояние 20–25 километров от переднего края обороны. Боевое охранение также не могло поддерживаться даже дальним артиллерийским огнем. Оборона получилась четырехэтажная: передовые отряды в 50 километрах; боевое охранение – в 20–25 километрах; главная полоса и наконец последняя позиция вторых эшелонов или резерв дивизий и армии.

Штаб Сталинградского фронта находился в Сталинграде. Расстояние от штаба фронта до переднего края по прямой составляло 150–200 километров. Штаб 62-й армии разместился в 60–80 километрах от передовой, за Доном, на его восточном берегу. Штаб 64-й армии находился на расстоянии 30–40 километров от передовой. Руководить с такого расстояния войсками при тех несовершенных средствах связи, которыми мы тогда располагали, было затруднительно.

Общее настроение в штабе 62-й армии было приподнятое. Командующий армией генерал-майор Колпакчи заверил меня, что в ближайшие дни он попытается прорвать находящиеся против него силы противника.

Контакт с соседом справа был таким образом установлен, но о соседе слева никаких данных я все еще не имел. Была лишь известна разграничительная линия, которую прочертили на карте в оперативном отделе штаба фронта.

Войска 64-й армии, выполняя директиву фронта, двигались на запад, за Дон.

Мне, как заместителю командарма, пришлось принимать решения за командующего на организацию обороны.

Ознакомившись с обстановкой и сопоставив собранные в частях 62-й армии данные о противнике, на основании директивы фронта от 17.7 я принял решение: двумя стрелковыми дивизиями (229-й и 214-й), одной морской стрелковой бригадой (154-й) и одной танковой бригадой (121-й) занять рубеж на западном берегу Дона от Суровикино до станицы Суворов-

ской. Левый участок фронта (Потемкинская, Верхне-Курмоярская) должна была оборонять 29-я дивизия. Во втором эшелоне, на реке Чир, в стыке 62-й и 64-й армий развертывалась 112-я стрелковая дивизия. 66-я морская стрелковая бригада, одна (137-я) танковая бригада, курсантские полки сосредоточивались во втором эшелоне в районе населенных пунктов по реке Мышковка. Командование фронта одобрило это решение.

Левее 64-й армии, по реке Дон, на юг от Верхне-Курмоярской, должны были обороняться части соседнего фронта, с которыми 64-я армия связи не имела.

Вечером 19 июля в штаб 64-й армии, который находился в хуторе Ильмень-Чирский, прибыл генерал В. Н. Гордов с предписанием вступить в командование 64-й армией. Я оставался его заместителем. Это был седеющий генерал-майор с усталыми серыми глазами.

Ознакомившись с моими решениями, Гордов, не внося ни одной серьезной поправки относительно расположения первого эшелона, утвердил их и приказал все выполнять. Что касается второго эшелона армии, то здесь командующий внес существенные изменения. Он приказал поставить 112-ю стрелковую дивизию не на стык 62-й и 64-й армий, а растянуть на внешнем, сталинградском оборонительном рубеже по реке Мышковка от хутора Логовского до Громославки; 66-я морская стрелковая бригада, 137-я танковая бригада, и полк курсантов военных училищ выводились на рубеж реки Аксай, то есть на левый фланг армии.

Этим решением генерал Гордов задерживал все резервы армии на восточном берегу Дона, и создаваемая западнее Дона оборона 64-й армии оставалась без второго эшелона и без резерва.

Утром 21 июля я выехал на оборонительный рубеж западнее реки Дон и два дня, 21 и 22 июля, занимался с командирами дивизий рекогносцировкой местности и выбором позиций. Полки и дивизии в это время еще совершали марш со станций выгрузки и прибывали на позиции с опозданием и не в полном составе.

Выход частей и соединений 64-й армии на рубеж обороны в эти дни, несомненно, был зафиксирован противником: его разведывательные самолеты «фокке-вульф» подолгу кружили над нашими позициями; мы не могли вести с ними борьбу, ибо в армии не было зенитной артиллерии, а истребители воздушной армии фронта были заняты на другом участке фронта.

Материально-техническое обеспечение 64-й армии в звене армия – дивизия до начала боевых действий, т. е. до 25 июля, фактически организовано не было. Армейские тылы и снабженческие органы находились еще в эшелонах, растянутых от Тулы до Сталинграда. По существу 64-я армия до конца июля своего организованного тыла не имела. Даже дивизионные запасы были выгружены распыленно по многим станциям между Волгой и Доном и на волжских пристанях.

Материально-техническое снабжение 62-й армии, в основном, было нормальное, поскольку район ее формирования был на Волге, в районе Сталинграда. Управление и штаб тыла, возглавляемый генерал-майором Лобовым, размещался в районе станции и поселка Советский в 80-120 километрах от главной полосы обороны.

В связи со срочной организацией Сталинградского фронта тыловые органы не успели организовать надлежащего снабжения армий, особенно боеприпасами и инженерным имуществом.

На наше счастье у противника в 4-й танковой и 6-й армии в середине июля также начались перебои в снабжении горючим – это замедлило маневр некоторых его танковых дивизий и средств усиления.

4

Рассказывая о боях в большой излучине Дона, по существу на дальних подступах к Сталинграду, – трудно отделять боевые действия 62-й армии от боевых действий 64-й армии.

Обе армии действовали по единому плану Сталинградского фронта, обороняться им приходилось от войск группы «Б», в частности, от ударов 6-й полевой армии под командованием Паулюса и 4-й танковой армии Гота.

Передовые отряды 62-й армии вели бои с противником, начиная с 17 июля. Они не ослабевали до 22 июля включительно.

23 июля противник начал наступление основными силами на главную полосу обороны 62-й армии, а с 25-го и на 64-ю армию.

Теперь мы имеем документ, который и определил тогда цели этого нового удара. Речь идет о директиве № 45, которой Гитлер внес некоторые поправки в директиву № 41.

В директиве № 41 говорилось:

«В любом случае необходимо попытаться достигнуть Сталинграда или, по крайней мере, подвергнуть его воздействию нашего тяжелого оружия с тем, чтобы он потерял свое значение, как центр военной промышленности и узел коммуникаций».

23 июля 1942 года в директиве № 45 было записано:

«Группе армий «А» наступать на юг за рекой Дон с целью овладения Кавказом с нефтяными богатствами.

Группе армий «Б» нанести удар по Сталинграду и разгромить сосредоточенную там группировку противника, захватить город, а так же перерезать перешеек между Доном и Волгой».

Если в начале летней кампании Гитлер говорил о наступательных операциях в общих словах и предусматривал удар в район Сталинграда армейскими группами «А» и «Б», то теперь, воодушевленный и обнадеженный успехами своих войск в мае и в июне, Гитлер разделил группы «А» и «Б», считая, что немецкая армия имеет достаточно сил для действий в разных направлениях.

Торопясь скорее выйти на Кавказ, Гитлер недооценил появление наших свежих армий в большой излучине Дона, рокировал 4-ю танковую армию Гота через боевые порядки 6-й армии Паулюса на ее правый фланг к станции Цимлянкой, включив ее в состав группы армий «А».

Для захвата Сталинграда были созданы две группировки: обе из состава 6-й армии Паулюса и войск румын.

Северная – в составе четырех пехотных, двух танковых и двух моторизованных дивизий. Начав наступление 23 июля из района Головский, Перелазовский вдоль правого берега Дона в направлении на Верхне-Бузиновка, Мало-Набатовский. Войска этой группировки должны были захватить Калач.

Центральная – в составе двух пехотных и одной танковой дивизий 51-го армейского корпуса. Начав наступление 25 июля из района Обливская, Верхне-Аксеновский, прорвать фронт южнее Суруикино и через Старо-Максимовский, выйти к Калачу с юга.

Обе эти группировки, входившие в состав 6-й армии, имели задачу окружить и уничтожить главные силы советских войск в большой излучине Дона, а в дальнейшем форсировать Дон и наступать на Сталинград.

Третья, южная группировка – в составе двух пехотных, двух танковых, одной моторизованной дивизий из 4-й танковой армии и четырех румынских пехотных дивизий, форсировав 21 июля Дон и захватив плацдарм, была готова к наступлению на город с юга, вдоль железной дороги Котельниково-Сталинград или на юг, на Кавказ.

Анализ сложившейся таким образом обстановки показывает, что активные действия немецко-фашистских войск, особенно центральной группировки, нацеливались на спешно подготовленные рубежи обороны 62-й и 64-й армий. Ведя непрерывную воздушную разведку, противник не мог не видеть подходившие колонны, наблюдать развертывание и оборонительные работы наших частей, то есть был полностью в курсе событий на участках 62-й и 64-й армий.

Началом Сталинградской битвы принято считать 17 июля 1942 года, когда передовые отряды 62-й и 64-й армий вошли в соприкосновение с противником. Передовые отряды этих армий до 19 июля оказывали упорное сопротивление, но не могли сдержать натиска накатывающейся массы немецких войск.

Развернулось одно из крупнейших сражений второй мировой войны.

Сталинградское сражение распадается на два периода; в каждом из них решались отдельные составные части общего стратегического замысла Советского Верховного Главнокомандования по разгрому противника.

Оборонительный период длился с 17 июля до 18 ноября 1942 года. В этот период входили оборонительные бои на дальних и ближних подступах к Сталинграду и оборона города.

Второй период Сталинградского сражения начался 19 и 20 ноября мощным контрнаступлением Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов. 62-я и 64-я армии получили приказ также о наступлении и уничтожении окруженного в Сталинграде противника.

Этот период закончился 2 февраля 1943 года уничтожением и пленением окруженной группировки противника в Сталинграде и под Сталинградом.

Но о том, какое это будет сражение, к чему оно приведет, мы тогда не знали, еще и не угадывались его стратегические и тактические контуры.

Мы решали ближайшую задачу дня на своих участках обороны.

Ожидая первой боевой встречи с немецко-фашистскими войсками, я чувствовал, что мне, еще не искушенному в боях с таким сильным и опытным противником, прежде всего нужно изучать его тактику, сильные и слабые стороны.

Я беседовал со многими офицерами, уже побывавшими в боях.

Я понимал, что в штабе армии мне не изучить противника. Поэтому старался чаще бывать в войсках, чтобы учиться у бывалых командиров, использовать опыт солдат.

Вернувшись 22 июля в штаб армии, я узнал, что Гордова еще накануне вызвали в Москву, откуда он вернулся через сутки командующим Сталинградским фронтом.

В штабе 64-й армии был получен приказ фронта, которым предписывалось 66-ю морскую стрелковую бригаду и 137-ю танковую бригаду направить по западному берегу Дона к станции Цимлянская. Перед ними ставилась задача – ударом во фланг и тыл уничтожить группу войск противника, переправлявшуюся там через Дон. Весь этот отряд по приказу Гордова в ночь на 23 июля сосредоточился в станции Суворовской. Однако тяжелые и средние танки 137-й танковой бригады не смогли переправиться через Дон, так как мост у Нижне-Чирской не выдерживал их веса. Бригада вошла в этот отряд одним мотострелковым батальоном с пятнадцатью танками Т-60.

Позже стало известно, какая огромная группировка вражеских войск выходила в район Цимлянской. Но когда подписывали этот приказ, штаб фронта, к сожалению, не располагал точными сведениями о противнике и высылал этот незначительный отряд против 48-го танкового корпуса немцев из 4-й танковой армии, а также против 4-го немецкого и 6-го румынского армейских корпусов, на участок нашего соседа, 51-й армии Южного фронта.

Разведка 64-й армии также не смогла уточнить обстановку. Я возражал против дробления сил на мелкие отряды. Но В. Н. Гордов приказа своего не отменил. Пришлось вылететь на самолете У-2 в Суворовский и проследить за его выполнением.

В 10 часов 23 июля отряд выступил на станицу Цимлянская. Возвращаясь обратно, я решил пролететь на самолете У-2 вдоль фронта армии и осмотреть наши позиции с воздуха.

Юго-восточнее Суровикино мы встретились в воздухе с фашистским самолетом Ю-88, который сделал боевой разворот и пошел на нас в атаку.

Наш У-2 был совершенно невооружен. Ю-88 имел пушки и пулеметы. Начался бой кота с мышью.

Раз десять бросался в атаку фашистский пират. Казалось, наш самолет развалится в воздухе от пушечного и пулеметного огня противника. Приземлиться в голой степи было нельзя, мы стали бы неподвижной мишенью и немедленно были бы расстреляны пушками Ю-88.

Мой летчик, ориентируясь по солнцу, стремился на восток и искал хоть какую-нибудь деревушку или лесок, за которым мы могли бы временно скрыться от стервятника... Но степь была пуста. Не помню, после девятой или десятой по счету атаки противника наш самолет ударился о землю и разломился пополам.

Так как мы маневрировали у самой земли, падение для меня и летчика обошлось сравнительно благополучно. Нас только выбросило из кабин: меня – с шишкой на лбу и с болью в грудной клетке и в позвоночнике, летчика – с кровоподтеками на коленях.

Стервятник, увидев, что наш самолет задымил, вероятно, решил, что с нами покончено. Сделав круг, он повернул на запад и скрылся за горизонтом.

Вскоре нас подобрал в степи и вывез на машине из опасной зоны офицер оперативного отдела 62-й армии капитан А. И. Семиков, впоследствии Герой Советского Союза.

...На правом фланге 62-й армии в это время уже развернулись упорные бои с северной, наиболее сильной группой противника, который к исходу 22 июля вышел к главной полосе обороны 62-й армии.

Несмотря на героическую стойкость личного состава передовых отрядов 62-й армии, противник, неся потери, продвигался вперед. С упорными боями отряды отходили к своей главной позиции. Их отход по открытой и опаленной солнцем степи под воздействием превосходящих сил противника был очень тяжелым, с большими потерями.

Хотя передовые отряды 64-й армии 229-й и 214-й стрелковых дивизий и 154-й морской стрелковой бригады вышли на р. Цимла – Тормосин только 23 июля, они также в этот же день были обойдены с флангов и попали в тяжелое положение. На них давил всей своей массой 51-й армейский корпус гитлеровцев.

Прежде чем перейти к изложению хода боевых действий в большой излучине Дона, хочется сказать кратко о партийно-политической работе в 62-й и 64-й армиях.

Политорганы и партийные организации 64-й армии, находясь в железнодорожных эшелонах и на переходах к оборонительным рубежам отдельными смешанными колоннами, были распылены.

В 62-й армии дело обстояло значительно лучше. Получив указание Ставки занять оборону в большой излучине Дона, Военный совет 62-й армии под руководством члена Военного совета К. А. Гурова и бригадного комиссара Васильева И. В. направил партийных работников на места, чтобы обеспечить быстрый и организованный выход на свои оборонительные полосы и сделать их непреступными.

В части и соединения армии были посланы офицеры штаба и политотдела армии организовать партийно-политическую работу в строгом соответствии с боевыми задачами частей и подразделений.

Особенно большое внимание Военный совет армии уделял росту партийных и комсомольских организаций, чтобы в ротах и батареях были полнокровные партийные и комсомольские организации. К 20 июля 1942 года в войсках армии было 3255 членов и 1744 кандидата Коммунистической партии и 16 425 комсомольцев, что составляло более 25 процентов численности армии.

По мере прибытия на фронт частей и соединений 64-й армии налаживалась и партийно-политическая работа. Командиры-коммунисты штаба совместно с работниками политотдела армии основное время проводили на переднем крае обороны, на западном берегу Дона. Встречали подходящие части и подразделения, ставили на участки обороны, сочетая воспитательную работу с подготовкой прочной обороны.

Несмотря на короткое время подготовки обороны, в армиях была проведена и проводилась в дальнейшем многогранная и непрерывная партийно-политическая работа, которая явилась залогом стойкости и мужества воинов в оборонительных операциях в большой излучине Дона и на подступах к Сталинграду.

* * *

В то же утро, 23 июля противник силами 16-й танковой и 113-й пехотной дивизий 14-го танкового корпуса атаковал 84-й гвардейский полк 33-й гвардейской стрелковой дивизии 62-й армии, а 60-я моторизованная дивизия нанесла удар в стык первого и второго стрелковых батальонов 427-го стрелкового полка 192-й стрелковой дивизии южнее Клетской, т. е. по наиболее слабо организованной и растянутой на широком фронте обороне. Обстановка для наших войск в этом районе осложнилась еще тем, что 192-я и 33-я гвардейские стрелковые дивизии оказались без вторых эшелонов и танковых резервов, которые были задействованы в составе передовых батальонов. Кроме того, оборонительный участок имел большие разрывы между узлами обороны батальонов.

К 24 июля правый фланг обороны 62-й армии на фронте – Клетская, Евстратовский, Калмыков – был прорван. Противник, введя свежие силы, начал развивать удар на Манойлин, Майоровский и через Платонов на Верхне-Бузиновку. К исходу дня 24-го передовые части 3-й и 60-й моторизованных дивизий противника вышли на Дон в районе Голубинской, а также и в район Скворина.

Учитывая создавшуюся обстановку, командующий 62-й армией В. Я. Колпакчи в 5 часов утра 24 июля решил силами 13-го танкового корпуса и частей 33-й гвардейской стрелковой дивизии нанести контрудар с тем, чтобы восстановить положение в полосе обороны 33-й гвардейской стрелковой дивизии, а затем и на всем правом фланге армии. Время нанесения контрудара было назначено на 10 часов утра. На подготовку оставалось всего лишь пять часов.

Это была героическая попытка остановить многократно превосходящего противника. Армейская печать еле успевала подхватывать и распространять примеры героизма и отваги бойцов. Политдонесения и сводки о героизме бойцов и командиров шли по информационным каналам, доводились до всех бойцов. Бойцам разъясняли, что фашистские войска несут огромные потери, что захватчиков можно истреблять и что для этого нужна стойкость и умение.

На весь фронт прогремела слава о подвиге четырех бронебойщиков 84-го гвардейского полка: Петра Болото, Григория Самойлова, Александра Беликова и Ивана Алейникова. Эти четыре героя заняли высокий курган южнее Клетской, вгрызлись в землю и устроились по-хозяйски. Между друзьями шли веселые разговоры. «Харч – дело известное, – сказал Петр Болото, взвешивая в руке тяжелый вещевой мешок. – Без него прожить можно, а вот без пушек и гранат, которыми нас снабдили, пропадешь ни за понюшку табака»...

Команда для подготовки к бою была подана одним словом «Пыль!», и восемь глаз начали считать, сколько двигается бронированных машин. «Тридцать насчитал Беликов. – По семь на брата, да еще две лишних на всех».

Танки разворачивались для атаки. Впереди двигался тяжелый танк «рейнметалл»; слева и справа от него катились два Т-3. Строй замыкали легкие танки Т-2. Танкисты в черных комбинезонах, по-видимому еще не обнаружив наших бойцов и окопов, находились в открытых верхних люках. Петр Болото отчетливо видел крест с белым окаймлением. Он прицелился в смотровую щель и нажал на спусковой крючок противотанкового ружья. Танк «рейнметалл» задымил, стал уменьшать скорость и наконец остановился. Распахнулись люки, и экипаж начал вылезать из танка.

Вторым выстрелил Александр Беликов по легкому Т-2, который сразу вспыхнул. Снаряд из противотанкового ружья, по-видимому, угодил в бензобак. Через несколько секунд Болото

и Беликов, точно прицелившись, снова ударили на сей раз по двум Т-3. Сколько сделали по ним выстрелов, они не считали, но в результате оба танка остановились и загорелись. Так продолжалось до вечера, пока фашисты не прекратили атаку и не отхлынули назад. В районе кургана дымились 15 танков.

Так четыре героя закончили свой первый бой. Но этот героический подвиг был не первым и не последним.

Войска 64-й армии к этому времени хотя и заняли указанный штабом фронта рубеж обороны, но вышли к нему не всеми силами. Только 214-я стрелковая дивизия под командованием генерала Н. И. Бирюкова и Морская стрелковая бригада под командованием полковника А. М. Смирнова оказались в несколько лучшем положении – они были сосредоточены полностью и имели почти трое суток для организации обороны. 229-я стрелковая дивизия продолжала подтягиваться к рубежу обороны.

66-я морская стрелковая и 137-я танковая бригады, двигавшиеся по приказу фронта из Суворовского на Цимлянскую, по моему расчету попадали, под фланговый удар противника.

Узнав о переходе противника в наступление на фронте 62-й армии и наших ПО, я стал настойчиво просить командующего фронтом вернуть эти бригады обратно на прежние позиции. Гордов принял мое предложение. В 17 часов 24 июля бригады были повернуты обратно на Нижне-Чирскую.

Я решил перевести также 112-ю стрелковую дивизию на правый берег Дона и поставить ее в оборону на нижнем течении реки Чир в стыке 62-й и 64-й армий. С этим командующий фронтом сразу согласился.

Контрудар, нанесенный 24 июля, по решению командующего 62-й армией генерала В. Я. Колпакчи, силами 13-го танкового корпуса (около 150 танков) и одним гвардейским стрелковым полком 33-й гвардейской дивизии с батальоном танков при поддержке трех артиллерийских полков, положительных результатов не дал. Причина неудачи контрудара: 13-й танковый корпус, только что сформированный, не имел боевой слаженности; не было времени на организацию взаимодействия с другими частями и с авиацией.

В то же время противник 24 июля, используя свое превосходство в авиации и танках, продолжал развивать наступление. 16-я танковая со 113-й пехотной дивизией прорвались в район Качалинской и вышли к реке Лиска.

К исходу дня противнику силами 3-й и 60-й моторизованных дивизий удалось разгромить штабы 184-й и 192-й стрелковых дивизий в районе Верхне-Бузиновки. С выходом противника в район Голубинского и Малонабатовский создавалась угроза окружения правого фланга частей 62-й армии.

Утром 25 июля командующий 62-й армии генерал В. Я. Колпакчи решил нанести новый контрудар по противнику, прорвавшемуся в тыл армии. Для осуществления этого контрудара, кроме 13-го танкового корпуса и частей 33-й гвардейской стрелковой дивизии, привлекались 196-я стрелковая дивизия с 649-м танковым батальоном. 196-я дивизия должна была, согласно этому решению, ночью сдать свою полосу обороны 229-й стрелковой дивизии 64-й армии, сосредоточиться в районе совхоза «Победа Октября», пройдя пешим порядком около 75 километров и в 6 часов утра 26 июля нанести удар в направлении Скворин, Сухановский, Верхне-Бузиновка. Дивизия снялась еще днем 25-го и только передовым частям удалось к исходу 26-го выйти в район Скворин, а главным силам только 27 июля.

25 июля противник ввел в сражение 100-ю легкопехотную дивизию, подтянул 305-ю и 376-ю пехотные дивизии. В полдень 25-го группа танков противника с автоматчиками прорвалась к штабу армии в район Володинский и обстреляла его с тыла.

К исходу дня 25 июля 60-я моторизованная и 16-я танковая дивизии противника соединились в районе Сухановского. В результате этого 184-я и 192-я стрелковые дивизии, 84-й

и 88-й гвардейские стрелковые полки 33-й гвардейской стрелковой дивизии, 40-я танковая бригада, 644-й танковый батальон и три артиллерийских полка усиления оказались в окружении.

Для управления этими окруженными войсками на самолете был переброшен в район окружения начальник оперативного отдела полковник Журавлев К. А. с группой офицеров. Под их руководством была организована круговая оборона на рубеже Платонов, Евстратовский, Калмыков, Майоровский.

В течение 26 июля войска 62-й армии вели ожесточенные бои с противником, вклинившимся на правом фланге.

К этому времени в распоряжении штаба фронта накапливались значительные силы. Прибыли резервы Ставки Верховного Главнокомандования. Формировались 1-я и 4-я танковые армии в составе четырех танковых корпусов, в которых насчитывалось около 600 танков; прибывали 126-я, 204-я, 205-я, 321-я, 399-я, 422-я стрелковые дивизии и другие соединения и части усиления.

Ставка Верховного Главнокомандования и лично товарищ Сталин потребовали не только остановить наступление противника, но и отбросить его за реку Чир.

25 июля 1942 года я принял первое боевое крещение.

Главный удар противника силами двух пехотных и одной танковой дивизий пришелся по нашей правофланговой 229-й стрелковой дивизии, которая занимала рубеж обороны около 15 километров по фронту и имела всего лишь пять батальонов; остальные четыре батальона были на подходе. В боевых порядках этой дивизии и в глубине находилась 121-я танковая бригада, в которой было пять тяжелых танков, девять Т-34 и двадцать Т-60.

Бой начался рано утром.

Сначала противник повел наступление силами одной пехотной дивизии с танками на центр 229-й стрелковой дивизии – на 783-й полк.

Несмотря на численное превосходство противника, наши батальоны стойко отбивали атаки его пехоты и танков. Было подбито девять танков и убито только на участке 783-го полка до 600 гитлеровцев.

Во второй половине дня противнику удалось вклиниться в нашу оборону до отметки 155,0 и захватить совхоз № 79. На командный пункт дивизии, находившийся в это время у отметки 155,0, напали вражеские автоматчики. Командир дивизии вынужден был быстро отойти и в результате этого потерял связь с 783-м стрелковым полком и вторым батальоном 804-го стрелкового полка. Посланный в эти части на танке офицер штаба дивизии назад не вернулся. По-видимому, он был убит. Так закончился мой первый боевой день 25 июля 1942 года. Усилить 229-ю стрелковую дивизию было нечем, резервы все находились восточнее реки Дон.

В пять часов утра 26 июля, после артиллерийской подготовки и авиационного налета, противник снова бросил в бой пехоту и танки. Со своего наблюдательного пункта (в десяти километрах северо-западнее Нижне-Нирской) я насчитал свыше 80 вражеских танков, шедших в атаку под прикрытием артиллерийского и минометного огня. Главный удар наносился на МТФ (молочно-товарную ферму), по подразделениям 783-го стрелкового полка.

Я видел, как танки противника под прикрытием авиации врзались в наши боевые порядки. Одна группа немецких машин напоролась на наши тяжелые танки КВ. Завязался бой. Наши тяжелые танки выдержали атаки, зато легкие – Т-60 понесли потери и расползались по оврагам.

Вскоре командир 783-го стрелкового полка был убит, комиссар ранен, и полк начал отходить на восток.

Командир дивизии тотчас же бросил в бой два только что прибывших батальона 804-го полка, пытаясь остановить наступление врага, но было уже поздно. Батальоны попали под огонь танков противника и залегли, а через несколько часов они были атакованы вражеской пехотой

и танками. Не успев окопаться, они не выдержали удара, оставили высоты 161 и 156 и отошли к поселку Савинский, что на правом берегу реки Чир, прикрывая фланг 62-й армии.

Залпы гвардейских минометов по скоплениям гитлеровцев на этом участке и налеты артиллерии 214-й дивизии наносили большой урон врагу, но, несмотря на потери, его части продолжали рваться вперед. В полдень он двинул в бой две танковые группы. Одна в составе около сорока танков преследовала батальоны, отступавшие к берегу реки Чир, другая наступала на Нижне-Чирскую.

Ко второй половине дня стало ясно, что наша оборона на участке правого фланговой 229-й стрелковой дивизии прорвана. Противник устремился к реке Чир и тем самым выходил в стык 62-й и 64-й армий. Резервов на западном берегу Дона у нашей армии не было. 66-я морская стрелковая бригада с частью сил 137-й танковой бригады, возвращенные мною с пути на Цимлянскую из района Минаева, подтягивались к Нижне-Чирской. Утомленные напрасными переходами, морские пехотинцы двигались медленно, а у танкистов кончился запас горючего. Для ликвидации прорыва противника и в особенности для обеспечения стыка 64-й и 62-й армий я немедленно принял такое решение: 112-ю стрелковую дивизию, находившуюся после ночного перехода на отдыхе в районе хутора Логовский, с десятью танками «КВ» 137-й танковой бригады, срочно перебросить по железнодорожному мосту через Дон. Перед ними была поставлена задача: занять рубеж обороны от Старомаксимовского по реке Чир до ее устья и закрепиться на выгодных позициях. Надо было немедленно и надежно обеспечить стык между 62-й и 64-й армиями и не допустить удара противника во фланг и тыл 62-й армии.

Этот маневр удался. К вечеру 26 июля 112-ю стрелковую дивизию удалось переправить и вывести на рубеж железнодорожного полотна Рычковский Старомаксимовский, где была установлена связь с 229-й стрелковой дивизией. Нам также удалось подтянуть часть сил 66-й морской стрелковой бригады с артдивизионом северо-западнее Нижне-Чирской во второй эшелон за 229-й стрелковой дивизией, но зато легкие танки 137-й танковой бригады из-за отсутствия горючего до Нижне-Чирской не дошли. Им пришлось подвозить горючее с восточного берега Дона. Вместо танков на обеспечение стыка 214-й и 229-й дивизий пришлось поставить батальоны морских пехотинцев 66-й бригады с их артиллерийским дивизионом, которые вскоре были атакованы с воздуха, а затем и немецкими танками. Моряки залегли и начали отбивать вражеские атаки.

В это время наиболее опасным было направление на Нижне-Чирскую. Выходом туда танков противника они одновременно захватывали переправы через Дон и Чир. Противотанковых средств в армии не было, легкие танки 137-й танковой бригады стояли без горючего.

Одна надежда была на артиллерийский дивизион 66-й морской стрелковой бригады, который имел конную тягу. Лошади выбивались из сил, но дивизион все же мог двигаться.

Около 14 часов дня 26 июля командиру дивизиона капитану Новикову была поставлена задача: развернуться западнее и северо-западнее Нижне-Чирской и не пропустить танки противника к переправам через реки Дон и Чир.

Этот дивизион быстро развернул в боевой порядок все три батареи на фронте около двух километров. Командиры батарей: первая и третья – под командованием двух родных братьев, лейтенантов Датриева Д. У. и Датриева Б. У., вторая – под командованием лейтенанта Рожкова, развернув батареи на открытых огневых позициях, не успели окопаться до появления танков противника. Артиллеристы-моряки не дрогнули, приняли бой. Около 25 танков, не доходя 1,5–2 километров до огневых позиций наших батарей, развернулись, и открыли беспорядочный огонь по нашим батареям.

Исполняющий обязанности командира дивизиона лейтенант Датриев Д. У. подал команду всем офицерам батарей дивизиона: «По местам!» Офицеры стали к орудиям, чтобы бить противника прямой наводкой. Танки усилили огонь. Но артиллеристы молчали. Они хладнокровно и спокойно подпустили танки на 400–600 метров и обрушили шквал огня. Два танка

закрутились на месте и задымили. Началась дуэль между танками и артиллеристами-моряками. Танки ползли вперед, ведя огонь с ходу, невзирая на потери. Один за другим они вспыхивали огненными факелами, над полем стлались чад и дым. Дуэль велась не на равных. Немецкие танкисты были защищены броней, они находились в движении; наши батареи стояли на открытых позициях. Но никто не дрогнул. Места убитых и раненых занимали их товарищи – разведчики и даже связисты. Разведчикам было приказано подготовить противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью.

Этот бой продолжался около часа. У наших артиллеристов нервы оказались крепче, чем у танкистов противника. Потеряв 12 подбитых и сожженных танков, противник откатился назад. До самого вечера танки и пехота противника к Нижне-Чирской не подошли. Упорство артиллеристов и морских пехотинцев противник принял за хорошо подготовленную оборону. Чтобы сломить сопротивление на этом участке обороны, на морскую пехоту и артиллеристов 66-й бригады противник бросил свою авиацию, которая волнами по 20–25 самолетов бомбила боевые порядки, тылы и переправы через реки Дон и Чир.

Я особенно отмечаю заслугу артиллеристов 66-й морской стрелковой бригады, которые отразили атаку сильной группы танков противника, нацеленной на станицу Нижне-Чирская и на переправы в этом районе. Захватив Нижне-Чирскую днем 26-го, противник смог бы в этот же день переправиться через реку Чир и, опередив выход на рубеж Старо-Максимовский, железнодорожной станции Чир, Рычковский 112-й стрелковой дивизии, выйти сразу во фланг и тыл 62-й армии с юга.

Казалось, что нам все же удастся остановить противника, не допуская к рекам Дон и Чир, и закрыть образовавшийся прорыв. Но в медсанбаты, в артпарки и в обозы частей, расположенных на правом берегу Дона и Чира, кто-то сообщил, что немецкие танки находятся в двух-трех километрах. Многие устремились к переправе.

Чтобы остановить людей и повозки, я послал на переправу находившихся около меня работников штаба и генерал-майора артиллерии Я. И. Броуда. Но все было напрасно: авиация противника уже заметила большое скопление людей и машин у переправы и начала их бомбить.

Во время этой бомбежки были убиты генерал Броуд, начальник оперативного отдела подполковник Т. М. Сидорин, начальник инженерной службы армии полковник Бурилов и другие командиры штаба армии.

К вечеру мост через Дон у Нижне-Чирской был разбит авиацией противника. 214-я стрелковая дивизия и две морские стрелковые бригады 64-й армии оставались на западном берегу Дона без переправы. Начальник штаба армии полковник Новиков Н. И. с членом Военного совета дивизионным комиссаром Абрамовым К. К., находясь на основном КП штаба Ильмень-Чирский, проявили излишнюю инициативу: без моего ведома (я был еще в Нижне-Чирской) они передали приказ по радио: «214-й стрелковой дивизии, двум бригадам морской пехоты и 137-й танковой бригады отходить назад за Дон». Об этом я узнал лишь по прибытии в штаб армии, ночью 26 июля. Я пришел в ужас от мысли, что может произойти ночью на реке: ведь в это время не работала ни одна переправа.

Надо было не отходить за Дон, а организовать оборону на западном берегу, упершись в него обоими флангами. Мы мобилизовали все средства связи для того, чтобы довести это решение до войск. Не помню, какие средства связи выручили нас, но войска этот приказ получили, и отход к Дону принял более или менее организованный характер и во время отхода за Дон потерь не было.

Переправа стоила нам больших усилий. С фронта наседали части 71-й пехотной дивизии противника. Не было почти никаких переправочных средств. Переправу прикрывал один из полков 214-й дивизии, которой командовал генерал Н. И. Бирюков. И он, и комиссар дивизии А. Ф. Соболев проявили большую организованность и личное мужество, руководя отходом

дивизии. 214-я стрелковая дивизия и другие соединения армии, переправившись через Дон, тут же, с ходу заняла оборону по его восточному берегу.

В результате принятых мер к вечеру 27 июля образовавшийся прорыв был ликвидирован на всем фронте 64-й армии. Противник хотя и прорвал первую полосу обороны 64-й армии, но дальше развить наступление не смог. Он был остановлен на реках Чир и Дон.

Опасность прорыва противника из района Нижне-Чирской с ходу на Сталинград была ликвидирована. Противник также не смог прорваться с юга к переправам у Калача.

Три боевых дня – срок небольшой, но для меня, недавно прибывшего на фронт, этот малый срок оказался во всех отношениях очень важным.

Правофланговым войскам 64-й армии пришлось отступить. Первые неудачи, однако, не обескуражили нас. Я верил, что настанет время и зазнавшимся гитлеровским генералам еще придется испытать горькую чашу поражений, которые нанесет им Красная Армия.

Успех противника во многом объяснялся тем, что он начал наступление, когда войска нашей армии еще не были собраны в полки и дивизии. Если бы мы имели хотя бы двое-трое суток для организации обороны, собрали бы полки, батальоны и дивизионы, закопались в землю, наладили огневое взаимодействие и связь, подтянули боеприпасы и организовали нормальное снабжение – противнику не удалось бы так легко прорвать оборону на фронте 64-й армии.

Наблюдая за тем, как гитлеровцы проводили артиллерийскую подготовку по участку 229-й стрелковой дивизии, я заметил слабые стороны в их тактике. Артиллерийские и минометные налеты велись разрозненно и не в глубину, а только по переднему краю. Широкого маневра огнем в ходе боя не отмечалось.

В годы учебы в Академии имени Фрунзе я изучал многие операции немцев на Западном фронте в первую мировую войну. Мне были известны взгляды немецких генералов на роль артиллерии в войне будущего (например, идеи Бернгарди). Поэтому в первые дни боев на Дону я ожидал от артиллерии противника классического взаимодействия, четкой организации огневого вала, молниеносного маневра огнем и колесами. Но этого не было. Я встретился с далеко не новым методом медленного прогрызания последовательно одной траншеи за другой.

Будь у нас в это время более глубокое построение обороны (не пять, а все девять батальонов) да еще противотанковые резервы, можно было бы не только сдержать наступление, но и нанести большие потери противнику.

Немецкие танки не шли в атаку без пехоты и без поддержки авиации. На поле боя не заметно было «доблести» немецких танкистов, их смелости и быстроты действий, о которых писали зарубежные газеты.

Немецкая пехота была сильна своим автоматическим огнем, но быстрого движения на поле боя и решительной атаки я не видел. Наступая, немецкие пехотинцы не жалели патронов, но стреляли часто попусту.

27 июля, когда один полк 112-й дивизии перешел в контратаку на хутор Новомаксимовский, пехота противника вообще не приняла боя и отступила. И только на другой день, 28 июля, когда подошли танковые части, она вступила в бой за позиции, которые накануне оставила без боя.

Передний край немцев, в особенности ночью, был прекрасно виден, он обозначался трассирующими пулями и ракетами всех цветов. Казалось, они либо боятся темноты, либо скучают без стрельбы.

Маневр войск противника хорошо прослеживался по автомобильным колоннам, двигавшимся по степи с зажженными фарами.

Наиболее четко работала в бою авиация противника. Связь и взаимодействие авиации с наземными войсками у противника были отработаны. Чувствовалось, что немецким летчикам знакома тактика своих и наших наземных войск.

Как только под нашим артиллерийским или ружейно-пулеметным огнем залегала пехота, буквально через десятки минут появлялись немецкая авиация, пикирующие бомбардировщики. Построив замкнутый круг, они атаковали наши боевые порядки и артиллерийские позиции.

Таковы были мои первые выводы о тактике противника. Наблюдать врага, изучать его сильные и слабые стороны, знать его повадки – значит драться с ним с открытыми глазами, ловить его промахи и не подставлять свои слабые места под опасный удар.

Начиная с 26 числа и до конца июля боевые действия наших частей шли в основном на правом фланге армии – в районе Большая Осиновка, Ерицкий, Верхне-Чирская. На этом участке противник стремился прорваться через боевые порядки 229-й и 112-й дивизий на северо-восток и выйти в тыл 62-й армии, к переправам через Дон в районе Логовский и Калач.

Все это время я находился на наблюдательном пункте на высоте севернее разъезда Рычковский и имел непосредственную связь с командирами 229-й и 112-й дивизий и через штаб армии с остальными войсками.

Бои шли с переменным успехом. Несколько дней противник бросал в атаки части 51-го армейского корпуса, усиленного танками. В отдельные дни одновременно наступало до ста танков, а мы имели на этом участке только десять. Однако наши части, особенно 112-я дивизия, отразив натиск, сами переходили в контратаки.

Так продолжалось четыре дня. Ранним утром 31 июля полки 229-й и 112-й дивизий при поддержке тех же десяти танков и авиации перешли в контратаку и отбросили противника за реку Чир. Вечером того же дня была перехвачена радиограмма, в которой давалась оценка нашим действиям. «Части 51-го армейского корпуса, переправившиеся через реку Чир у Суrowsикино были разбиты», – доносил в свой штаб (группы «Б») какой-то гитлеровский офицер подпись была обозначена буквой «икс».

64-я армия формировалась заново, как резервная. Очень многие ее бойцы и командиры впервые участвовали в бою. В донских степях они приняли боевое крещение. Они познали тяжесть и горечь отступления, но они не дрогнули духом, первые неудачи не подорвали у них веру в свои силы. Они отступали, но отступали с боями, сдерживая натиск врага, о силе которого они порой не имели представления. Нельзя требовать невозможного. Превосходство противника было велико, остановить его наступление теми силами, которыми тогда располагала 64-я армия, было невозможно. Но бойцы и командиры 64-й задержали наступление, сорвали намерение гитлеровского командования окружить и уничтожить наши силы на западном берегу Дона.

Я вспоминаю двух командиров 112-й стрелковой дивизии товарищей И. П. Сологуба и И. Е. Ермолкина и многих героических бойцов этой дивизии. Это они выстояли до конца июля 1942 года против 51-го армейского корпуса и 24-й танковой дивизии немецко-фашистских войск на реке Чир, не позволив превосходящим силам противника выйти во фланг и тыл главным силам 62-й армии с юга, а затем героически сражались между Доном и Волгой и в самом Сталинграде от начала и до конца оборонительных боев.

Оба командира дивизии погибли – И. П. Сологуб на реке Дон, И. Е. Ермолин – при штурме города Орел.

Я вспоминаю замечательного заместителя командира дивизии Героя Советского Союза Михалицина П. Т., начальника артиллерии дивизии Годлевского Н. И., начальника политотдела дивизии В. Ф. Морозова, а также политруков Васильева, Оробей, Филимонова.

Бойцы славной 112-й стрелковой дивизии покрыли себя неувядаемой славой.

Второй дивизией, стоящей рядом со 112-й, с той же задачей и с тем же противником, была 229-я стрелковая под командованием полковника Ф. Ф. Сажина. На эту дивизию, еще неполностью сосредоточившуюся, обрушился удар 51-го армейского корпуса и 24-й танковой

дивизии немецко-фашистских войск, которые к 16 часам 26 июля оттеснили ее на реку Чир. Но на этом рубеже части и подразделения этой дивизии вросли в землю, отбивая многочисленные атаки противника, рвавшегося с юга на северо-восток, к реке Дон и городу Калач, на соединение с основной группировкой противника, вышедшей к реке Дон в районе Голубинского.

Не по вине командира эта дивизия 8 августа попала в окружение с частями 33-й гвардейской, 399-й, 196-й, 181-й и 147-й стрелковых дивизий западнее реки Дон. Дивизия под командованием полковника Сажина выдержала и отразила на своем участке все атаки противника и частью сил пробилась на левый берег Дона.

Во время боев на Дону я пользовался всякой возможностью, чтобы опросить как можно больше пленных и через них прощупать настроение личного состава войск противника. Нужно сказать правду: пленные крепко держали язык за зубами, и, ссылаясь на присягу, упорно молчали. Но не все...

Как-то ко мне привели гитлеровского летчика-истребителя. Он был подбит и сделал вынужденную посадку севернее хутора Новомаксимовский. Пленный был на удивление разговорчив, не стеснялся давать показания, где находятся их аэродромы, характеризовать нашу и свою технику и даже пытался дать оценку хода войны.

Он прямо заявил, что немецкое верховное командование просчиталось в своих силах и не учло мощь Советского Союза, считая его как и прежде, в первую мировую войну, «колосом на глиняных ногах». Он пояснил, что об этом открыто не говорят в солдатской среде, но летчики частенько между собой обмениваются такими мыслями.

Летчик особо подчеркнул, что наземные немецкие войска все чаще и чаще вызывают к себе на помощь авиацию, поскольку у наземных войск не хватает силы «быть везде сильными», особенно сейчас, когда ширина фронта наступления расширяется. Часто авиацию, в том числе и истребительную, привлекают не по назначению, т. е. не против советской авиации, а по наземным войскам. Пленный заявил, что немецкие летчики не боятся советских истребителей, особенно старых типов, так как техническое преимущество «мессершмиттов» очевидно: по скорости – километров на 75, по вооружению – раза в полтора. Он явно завысил превосходство истребителей «мессершмитт» над нашими. Поступившие в 1942 году на вооружение наши истребители типа Ла-5, Як-7, Як-9 по скорости и вооружению не уступали «мессершмиттам». Однако искусство и мужество наших летчиков он оценил очень высоко.

– Главный кулак в бою – авиация, – утверждал он, – в нее верят как сами летчики, так и сухопутные войска. Не будь у нас такой авиации, мы не имели бы подобных успехов ни на Западе, ни на Востоке.

Когда же я спросил пленного, что он думает о конце войны, он пожал плечами и заявил:

– В отношении России фюрер просчитался. Он, да и многие немцы, не ожидали такого упорства от русских, поэтому о конце войны трудно сказать.

5

В разгар боев на Дону ко мне на наблюдательный пункт позвонил генерал Колпакчи – командующий 62-й армией.

Колпакчи сообщил мне, что решением Военного совета фронта он снят с должности командарма. Вместо Колпакчи командующим 62-й армией назначался генерал-лейтенант А. И. Лопатин.

Днем позже в штаб армии прибыл генерал-майор М. С. Шумилов. 64-я армия передавалась под его командование.

В это же время была получена директива фронта за подписью начальника штаба генерал-майора Д. Н. Никишева. Директива предписывала одновременным ударом двух армий

(62-й и 64-й) уничтожить обе группировки противника в районе Верхне-Бузиновки и на реке Чир. 64-я армия усиливалась 204-й стрелковой дивизией и 23-м танковым корпусом.

Распоряжение было получено в 14 часов 28 июля, а начало атаки назначалось на 2 часа ночи 29-го, то есть через 12 часов.

Нам надлежало с М. С. Шумиловым немедленно найти 204-ю дивизию и 23-й танковый корпус. Мы о их местонахождении ничего не знали. Запросили по телефону штаб фронта. Нам ответили:

– Ищите эти части между рекой Дон и рекой Лиска.

Всю ночь мы колесили по степи в поисках приданных 64-й армии частей. Проискали все утро и только к полудню 29 июля в районе Жирков нашли одну танковую бригаду 23-го корпуса. Командир бригады ничего не знал и к наступлению не готовился.

Разыскивая штаб 23-го корпуса в совхозе «Победа Октября», мы по пути заехали в хутор Володинский, где расположился командный пункт 62-й армии.

Полный, белокурый и внешне очень спокойный генерал А. И. Лопатин встретил нас на командном пункте хорошим обедом и объявил нам, что 62-я армия не может выполнить распоряжение начальника штаба фронта, так как части не готовы, боеприпасы не подвезены и Военный совет фронта это распоряжение не подтвердил.

А. И. Лопатин высказал свои предположения, почему Военный совет фронта не подтвердил директивы штаба фронта. Наши 1-я и 4-я танковые армии под командованием генерала К. С. Москаленко и В. Д. Крюченкина предприняли контрудары по наступающему противнику. Контрудар наших же 62-й и 64-й армий должен был наноситься в развитие ударов танковых армий.

Но ни 1-я, ни 4-я танковые армии не смогли остановить наступление противника и разбить его части.

Лопатин сообщил нам, что 1-я танковая армия, не согласовав по времени свой контрудар с 4-й танковой, сама попала в очень тяжелое положение. В воздухе безраздельно господствовала авиация противника. Сосредоточение и переправа через Дон войск 4-й танковой армии Крюченкина срывались. Одновременного контрудара не получилось.

Я прекратил поиски 204-й дивизии и 23-го танкового корпуса. Надо было возвращаться в штаб армии.

30 июля я выехал в штаб Сталинградского фронта по вызову В. Н. Гордова.

31 июля я полный день провел в Сталинграде, ожидая, когда меня примет командующий фронтом.

В те дни Сталинград был уже по существу прифронтовым городом, но заметной тревоги, скорее даже должной готовности перед надвигающейся угрозой я в нем не почувствовал. И это отчасти объяснимо, если говорить о жителях города. Трудно было сталинградцам поверить, что их город вот-вот станет местом ожесточенного сражения, трудно было поверить, что Красная Армия не остановит врага на Дону.

Командующий фронтом принял меня вечером 1 августа. В моем присутствии он принимал доклад командующего воздушной армией Т. Т. Хрюкина.

– Противник увяз в наших оборонительных позициях, – говорил Гордов. Теперь его можно уничтожать одним ударом.

Я попытался развеять это убеждение.

– Я не хуже вас знаю положение на фронте! – оборвал он меня. – Я вас вызвал, чтобы получить объяснение, почему правое крыло 64-й армии отошло за реку Чир.

– Отход был вынужденным! – ответил я. – Мы не успели полностью развернуть армию... 229-я дивизия имела в обороне только половину своих сил...

В. Н. Гордов перебил меня:

– Представьте письменный доклад! Письменный!

Мне ничего не оставалось, как попросить у него разрешения выехать в армию и там на основе карт и документов написать исчерпывающее объяснение.

* * *

Командующий фронтом и его штаб поторопились считать противника увязшим в наших оборонительных позициях.

С самого начала боев в большой излучине Дона противник прочно держал инициативу в своих руках. У него было превосходство в силах и средствах.

Но на отдельных участках противник действительно нес большие потери и застревал. И здесь нельзя не отметить 33-ю гвардейскую дивизию, которая оборонялась юго-западнее Манойлина. Так, например, 22 июля, когда противник, сломив сопротивление передовых отрядов 62-й армии на рубеже рек Цуцкан и Чир, попытался с ходу выйти на маневренный простор, полки 33-й гвардейской дивизии не оставили своих позиций и вынудили противника отступить.

На другой день враг повторил наступление на позиции гвардейцев. На этот раз он бросил против них две дивизии – 16-ю танковую и 113-ю пехотную. Гвардейцы не дрогнули. Огнем противотанковых пушек и ружей, а также бутылками с горючей смесью и гранатами они уничтожили в первую очередь танки, а затем огнем стрелкового оружия стали уничтожать оторвавшуюся от танков пехоту.

Участники этого боя рассказывают, что одна танковая атака сменялась другой. Отдельным машинам удавалось прорваться в глубь нашей обороны. Но там их уничтожали вторые эшелоны.

За день боя гвардейцы 33-й дивизии подбили и сожгли 50 вражеских танков и истребили несколько сотен фашистских солдат и офицеров.

В центре обороны этой дивизии, на участке главного удара гитлеровцев, занимала позицию 76-миллиметровая батарея под командованием лейтенанта Серого и командира взвода управления лейтенанта Неделина.

– На каждый взвод приходилось по 200 осколочно-фугасных снарядов, докладывал Неделин. – Перед нами стояла задача: не пропустить фашистов через рубеж занимаемой обороны. Она была ясна каждому артиллеристу. Рано утром 23 июля показалась крупная танковая колонна, на некотором расстоянии от нее колонна грузовых автомашин с боеприпасами и горючим.

Вначале наша батарея открыла огонь по грузовым автомашинам. Часть из них загорелась, остальные повернули назад и стали уходить в глубь степи. Тем временем около двадцати танков врага, развернувшись, пошли в атаку. Впереди нас было два стрелковых взвода. Им не удалось сдержать эти танки, и бой приближался к огненным позициям нашей батареи. После первого залпа наших орудий фашистские танки остановились, хотя ни один из них не загорелся. Осколочно-фугасные снаряды были хороши против грузовых автомашин, но они были малоэффективны против брони.

Тем не менее командир батареи повторил команду: «Огонь!» – и мы стали бить прямой наводкой. Началась дуэль четырех орудий с двадцатью танковыми пушками врага. Для нас было непонятно, почему фашисты сразу не раздавили нашу батарею. Враг, видя, что мы ведем огонь и не отступаем, наверное, подумал, что наших сил на этом участке обороны очень много...

Вскоре над полем боя появились двухмоторные самолеты и начали бомбить и обстреливать нашу батарею. Вокруг батареи рвались снаряды тяжелых орудий, которые вели огонь из глубины. Приказа отступать мы не имели, да и отступать мы не могли, некуда и нельзя было по открытой степи передвигаться под непрерывными ударами авиации и артиллерии.

Мы решили остаться на месте и драться до последнего снаряда.

Вокруг нас все гремело и взлетало на воздух. Густая степная трава горела. Огонь снимал последнюю защиту – маскировку с наших орудий. У фашистов, по-видимому, недостатка в боеприпасах не было. Мы же, зная свои запасы, экономили каждый снаряд.

Около четырех часов дня командиры орудий стали докладывать с огневых позиций, что снаряды кончаются. На батарее осталось шесть снарядов... три... и, наконец, последний. И вот все стихло с нашей стороны. Но даже после того как мы замолчали, враг еще раз обрушил на нас мощный шквал огня и только после этого пошел в атаку.

Танки противника подошли вплотную к окопам, продолжая вести огонь из пушек. Из глубины нашей обороны ударили «катюши», и танки противника повернули назад. Наш командир батареи Серый был убит. В живых оставалось всего несколько человек, меня ранило осколками гранаты, которая разорвалась всего в двух метрах... Очнулся я уже в медсанбате дивизии, где узнал, что наша батарея после налета «катюш» сумела отойти на новые позиции.

Это лишь один из многих эпизодов, свидетельствующих о том, что гвардейцы 33-й и других дивизий дрались до последнего снаряда, до последнего патрона.

Такая стойкость воинов 33-й гвардейской и частей 192-й и 184-й стрелковых дивизий действительно сковала целых три дивизии противника. Эти три гитлеровские дивизии буквально застряли и были втянуты в невыгодный для них бой, который продолжался на узком участке фронта несколько дней. Соседние дивизии продолжали стоять в обороне, отбивая мелкие атаки противника.

Южнее Суровикино противник, несмотря на превосходство в силах, дальше реки Чир до конца июля не прошел. Он не развил свой удар 51-м армейским корпусом не только потому, что наносился с нашей стороны контрудар 204-й, 321-й стрелковыми дивизиями и 23-м танковым корпусом совместно с 229-й и 214-й стрелковыми дивизиями, как написано в книге «Великая победа на Волге», но и потому, что на его пути к Дону стояли 229-я и 112-я стрелковые дивизии. Последняя под командованием полковника И. П. Сологуба стойко вынесла большую часть удара 51-го армейского корпуса и задержала его выход к переправам через Дон. Если бы эта дивизия не успела занять оборону на фронте по железной дороге Новомаксимовский – Рычковский, то противник мог 27–28 числа выйти к переправам у г. Калач и тем самым соединиться с основной группировкой, действующей с северо-запада на Калач и сомкнуть свои клещи еще в конце июля.

На правом крыле 62-й армии продолжались тяжелые для нас бои. 24–25 июля командование 62-й армией решило наносить контрудары по прорвавшемуся противнику своими силами и приданными резервами. 26 июля Ставка потребовала от командования фронтом не только восстановить положение в полосе 62-й армии, но и отбросить противника за реку Чир.

Для выполнения этой задачи решением командующего фронтом вводились в сражение главные силы фронта – 1-я и 4-я танковые армии. В составе их четырех танковых корпусов и отдельных танковых частей насчитывалось около 600 танков. Из них большая часть легких танков с 22-мм пушкой. Шестьсот танков к тем, которые находились в составе 62-й армии, конечно, это была сила, способная не только остановить или восстановить положение, которое было до 22 июля, но и разгромить основные силы противника, действовавшие на правом крыле (северном) 62-й армии, отбросив их за реку Чир.

Отбросить противника за реку Чир, как ставилась задача фронту, – это значило предвзительно разбить противника. Без этого, конечно, противника не отбросить. К этому времени главные силы 6-й полевой армии находились на правом фланге 62-й армии, а именно: 113-й пехотной, 16-й танковой, 3-й и 60-й моторизованных, 100-й легкопехотной, 305-й и 376-й пехотных дивизий. Эти силы противника, выйдя к реке Дон в районе Голубинский, нацеливались на юг, на переправу у города Калач, навстречу 51-му армейскому корпусу с 24-й танковой дивизией, наступающему с юга через реку Чир.

По решению командующего фронтом 1-я танковая армия под командованием тов. Москаленко К. С. наносила контрудар 27 июля в составе: 13-го и 28-го танковых корпусов, 158-й танковой бригады и 111-й стрелковой дивизии (все 1-й танковой армии) плюс 196-я стрелковая дивизия и другие правофланговые дивизии 62-й армии должны были с ходу нанести удар из района Калач на Верхне-Бузиновский как ближайшая задача. Это был не фланговый, а встречный контрудар против главных сил противника, наступающего в направлении Калача.

К первым числам августа вполне определилось, что контрудары наших танковых армий к разгрому группировки врага в большой излучине Дона не привели. «Контрудар не привел к разгрому группировки врага, прорвавшейся к Дону, но, как показали Последующие события, сорвал замысел противника окружить и уничтожить 62-ю армию, сыгравшую в дальнейшем вместе с 64-й армией основную роль при обороне Сталинграда...».

Теперь-то в наши дни легче представить себе сложившуюся тогда обстановку. Мы сегодня можем сопоставить, что имели немцы, что имели мы. И нет в сегодняшних раздумьях спешки. Тогда не только день, но и час решал дело.

Ставка Верховного Главнокомандования, передав фронту две танковые армии и резервные стрелковые дивизии, имела основание рассчитывать на значительные результаты контрудара, даже на изменение всей обстановки на фронте.

Некоторые документы того времени могут объяснить нам столь далеко идущие расчеты Ставки.

Возьмем донесение командующего 62-й армии В. Я. Колпакчи, отправленное им Военному совету Сталинградского фронта накануне контрудара, нанесенного 1-й танковой армией. Вот как командарм обрисовывал обстановку на фронте своей армии на 25 июля 1942 года.

«1. Противник 25.7 активизировал наступление пехоты перед центром и левым флангом армии и продолжал подтягивать мотомехвойска для действий против правого крыла. Одновременно прорвавшиеся группы продолжали попытки дезорганизовать работу управления и выйти на Калач.

2. С правого фланга от 184-й и 192-й сд данных нет. Выслан еще один отряд связи на танках. 33-я гв., 181-я и 147-я сд удерживают занимаемые рубежи и отражают атаки.

3. Решил продолжать оборонять занимаемые рубежи, обеспечивать правый фланг 13-го тк и ликвидировать группы противника, прорвавшиеся в глубину обороны, 196-й сд – удержат узел дорог у Остров».

Это донесение лишь в малой части передавало сложность положения 62-й армии. Из него скорее просматривается возможность держать с успехом оборону. А в это время противник уже прорывался на Дон у пос. Голубинский и поставил под угрозу захват переправы через Дон с возможностью взять в окружение всю 62-ю армию.

Донесение говорит о создавшемся некоем равновесии, а при равновесии немедленный ввод в бой отдельных частей 1-й танковой армии мог дать успех. Поэтому Ставка торопит с контрударом. Командующим 1-й танковой армии назначается генерал-майор артиллерии К. С. Москаленко, ныне Маршал Советского Союза. К тому времени он уже накопил значительный боевой опыт. Начал войну он у государственной границы в июне сорок первого года командиром артиллерийской противотанковой бригады. Вынес на своих плечах тяжесть отступления. Затем командовал стрелковым корпусом, конно-механизированной группой и армией. Он прошел с боями от государственной границы до донских степей. Он хорошо знал противника, с которым имел дело.

27 июля К. С. Москаленко вынужден тяжелой обстановкой бросать в бой передовые части армии с ходу, не дожидаясь сосредоточения всех ее сил. Наступление противника застопорилось только на несколько дней. Но и 1-я танковая армия уже израсходовала свои главные силы.

Два дня спустя разворачивается и вводится в бой спешным порядком 4-я танковая армия под командованием генерал-майора В. Д. Крюченкина. Это тоже опытный, боевой генерал.

С начала войны он командовал, кавалерийским корпусом. Он так же, как и К. С. Москаленко, вводит в бой свою армию по частям, не одновременно с 1-й танковой. Противник остановлен, Калач не взят с ходу.

Для противника, по-видимому, не было секретом сосредоточение и развертывание войск 1-й и 4-й танковых армий с их средствами усиления. 27 июля, в первый день контрудара, он нанес авиационные удары по 1-й танковой армии, сделал более 1000 самолето-вылетов и подтянул против 1-й танковой армии много танков и артиллерии.

Наша авиация таких сил для ответного удара не имела. Наши танковые армии несли большие потери. В 13-м танковом корпусе к исходу дня 27 июля осталось в строю только 27 танков, потери за 4 дня боев составили около 125 танков.

Противник, отражая наш контрудар, одновременно стремился как можно скорее уничтожить окруженную группировку 62-й армии севернее Манойлина. Для уничтожения этой группировки противник сосредоточил 5 пехотных дивизий и непрерывно наносил бомбовые удары. Видя невозможность вести дальше оборону в таких условиях, полковник Журавлев 29 июля принял решение прорваться через Верхне-Бузиновку в малую излучину Дона навстречу 4-й танковой армии. Эта группа совместно с частями 13-го танкового корпуса, который пробивался к окруженным с юга, 31 июля вышла в район Оськинский и Верхне-Голубая, где влилась в состав 4-й танковой армии.

Главные силы 1-й танковой армии, неоднократно пытавшиеся развить наступление на север, до конца июля успеха не имели.

4-я танковая армия на правый берег Дона к 29 июля сумела переправить только 100 танков 22-го танкового корпуса. И все же 182-я танковая бригада с 5-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой вышла в район Верхне-Голубой и Венцы, а 173-я танковая бригада на реку Голубая – у Евлампиевский и Малонабатовский. На этом рубеже они, встретив упорное сопротивление противника, были остановлены. 176-я танковая и 133-я тяжелая танковая бригады 4-й танковой армии в это время все еще находились на левом берегу Дона, а 22-я мотострелковая бригада обороняла переправу через Дон у Трехостровской.

К началу августа противник хотя и добился некоторых успехов в большой излучине Дона, достигнуть решающей победы он не смог в результате контрударов наших танковых армий. Но сражение этим не заканчивалось, а, наоборот, принимало более острую форму, вовлекая большие силы и средства.

Советские войска ценою больших потерь, особенно в танках, по существу обескровили наступающие части противника.

Вот как пишет об этом в своих воспоминаниях К. С. Москаленко: «Противник так и не смог овладеть переправами у Калача. Мы сорвали его планы захватить Калач с ходу и переправиться через Дон. Не осуществилось намерение врага взять в клещи 1-ю танковую и 62-ю армии и разгромить их западнее Дона. Не добились и мы полного разгрома прорвавшейся группировки противника и восстановления положения на правом фланге 62-й армии...»

К 28–31 июля создается кризис на Сталинградском фронте. Командующему Сталинградским фронтом генералу В. Н. Гордову в 16 часов 45 минут 28 июля дается директива Ставки: «В связи с отходом 214-й стрелковой дивизии 64-й армии южнее устья р. Чир за Дон и выходом здесь противника на западный берег р. Дона, направление Нижне-Чирская – Сталинград в данный момент является для фронта наиболее опасным, а, следовательно, и основным.

Опасность эта состоит в том, что противник, переправившись через р. Дон, может обойти Сталинград с юга и выйти в тыл Сталинградскому фронту».

Однако 112-я стрелковая дивизия 64-й армии успела переправиться на правый берег Дона в районе Логовской, заняла оборону на рубеже Осиновская Верхне-Чирская и, совместно с войсками 229-й стрелковой дивизии, отбросила противника, дошла до станицы Верхне-Чирская. Таким образом, южная группировка 6-й германской армии была остановлена. Фронт

на этом рубеже на некоторое время стабилизировался. Но южнее, из района Цимлянская, надвигается новая угроза.

...Вернувшись из Сталинграда, я узнал, что крупные силы немцев начали 31 июля наступление из района Цимлянская вдоль, железной дороги Тихорецк Сталинград в направлении на Котельниково, заходя в тыл 64-й армии и всему Сталинградскому фронту.

Наткнувшись на упорное сопротивление в большой излучине Дона, Гитлер незамедлительно пересмотрел свою директиву № 45 и совершил перегруппировку сил. Он изъясил из группы армий «А», нацеленной на Кавказ, 4-ю танковую армию генерала Гота, передал в группу армий «Б» и поставил перед ней задачу: с ходу, нанося удар с юга, овладеть городом, взяв в клещи войска Сталинградского фронта.

В этой обстановке 28 июля 1942 года появился известный приказ Народного комиссара обороны № 227, который сыграл большую роль в партийно-политической работе в те дни. Приказ с предельной четкостью и прямоотой обрисовывал сложность и опасность положения.

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает, разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население.

Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами.

Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа... После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн. населения, более 800 млн. пудов хлеба в год и более 10 млн. тонн металла в год.

У нас нет уже теперь преобладания ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступить дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину.

Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину, поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступление, мы останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог. Из этого следует, что пора кончить отступление. Ни шагу назад!

Таким теперь должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановиться, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас и в ближайшие несколько месяцев – это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли мы выдержать удар, а потом отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно, и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает? Не хватает порядка и дисциплины в ротах, в батальонах, в полках, в дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину...

Паникеры и трусы должны истребляться на месте. Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования».

Приказ этот был немедленно доведен политорганами до каждого командира, до каждого бойца. Приказ был подписан И. В. Сталиным.

Призывы «Ни шагу назад!» раздавались и ранее. Но никогда еще перед всем составом, как перед командным, так и перед рядовым ни один документ не раскрывал со столь полной откровенностью положение нашей страны. Этот приказ по своему существу был обращением ко всему советскому народу, ибо Красная Армия была народной армией, плоть от плоти всего многонационального советского народа. Партия, Советское правительство откровенно поделились трудностями с народом. Это не могло не найти самого горячего отклика и не могло не дать результатов. Каждый боец, каждый командир проникся ответственностью перед Родиной, перед народом. Действительно, отступить больше было некуда.

В 64-й армии политическая работа еще во время ее формирования была налажена четко. Политинформации велись в самых мелких подразделениях, мы следили за ростом партийной и комсомольской организации.

В дни, когда армия получила приказ занять оборонительные позиции, командиры, политработники были с бойцами. И с теми, кто вышел на передовую, и с теми, кто ускоренным маршем преодолевал степные просторы. Политработники разъясняли задачи, которые стояли перед армией, разъясняли тактику и методы противника. Теперь у политработников появился новый приказ.

Этот документ явился целым этапом в политической работе. Политработники получили возможность откровенно, не приукрашивая действительности, разъяснить рядовым бойцам обстановку и требовали точно выполнять приказы. Командиры всех степеней поняли, что отступление больше не панацея от всех зол.

Но было бы наивным полагать, что только этот приказ положил перелом в психологии воинов. Он как бы выразил настроение, которое зрело у всех с начала летней кампании. Сам по себе приказ без осознания сотнями тысяч трагического положения, в котором мы все оказались, ничего не сделал бы. Боль, досада, ожесточенность – вот что рождалось у нашего бойца в дни тяжелого отступления. Мне говорили рядовые солдаты и младшие командиры:

– Мы отступали в прошлом году... Ну это было понятно... Внезапный удар, мы потеряли много самолетов и танков еще до того, как вступили в бой. Теперь у нас есть танки и самолеты, есть оружие... Мы теперь можем остановить врага! Почему, зачем отступаем?!

Мы имели в штабе армии данные в те дни, как реагировал на появление этого приказа противник. Казалось бы, что могло бы взволновать противника, уверенного в своих силах и, главное, в своем превосходстве. Так нет же, командир одного из немецких корпусов поспешил немедленно издать приказ, в котором уверял своих солдат, что приказ Сталина никакого значения для хода военных действий иметь не будет. Но тут же этому генералу пришлось поправиться. Вторым приказом, изданным через несколько дней, он предупредил офицерский состав, что ожидается усиление сопротивления русских.

Так бывший гитлеровский генерал Г. Дёрр пишет: «Примерно с 10 августа на всех участках фронта было отмечено усиление сопротивления противника».

Итак, попытки противника с ходу, одним ударом окружить наши войска в большой излучине Дона, а затем овладеть Сталинградом не удалось. Немецкие генералы в своих донесениях Гитлеру сетовали, что изменилась тактика советского командования, что советские войска не бегут, не отступают и не сдаются в плен, сражаются до последнего патрона. Захват Сталинграда в первых числах августа – уже не кажется нашему противнику делом простым и легким.

У нас так же в это время произошли изменения в руководстве войсками.

Сталинградский фронт был поделен на два фронта:

Сталинградский и Юго-Восточный. Подошли новые резервы Ставки. Но трудно было сразу остановить разогнавшуюся гитлеровскую военную машину. Нам, всей Красной Армии и народу, пришлось еще несколько месяцев испытывать горечь неудач на наших фронтах.

Наши союзники предательски не спешили открывать второй фронт на западе.

Южная группа

1

Прибыв в армию 1 августа, я начал по приказанию генерала Гордова составлять письменный отчет о боях с 25 по 30 июля. Но утром 2 августа генерал Шумилов вызвал меня к себе. У него я застал весь Военный совет армии. Обсуждался доклад начальника штаба о положении на юге, на нашем левом фланге.

Данные были тревожные: 4-я танковая армия Гота, переправившись у станицы Цимлянская и сосредоточив на левом берегу Дона восемь дивизий (из них одна танковая и одна моторизованная), начала наступление и, прорвав оборону 51-й армии, перерезала железную дорогу Сталинград – Сальск. Можно было с уверенностью предположить, что из района Цимлянской противник направит главный удар 4-й танковой армии на Сталинград на помощь армии Паулюса. Этим ударом левый фланг 64-й армии и всего Сталинградского фронта охватывался с юга.

Генерал Шумилов предложил мне поехать на юг, выяснить обстановку и в зависимости от нее принять на месте необходимые меры. Я спросил:

– Имеется ли на это согласие Военного совета фронта?

Я получил утвердительный ответ.

Вместе со мной выехали адъютант Г. И. Климов, ординарец Револьд Сидорин, шоферы Каюм Калимулин и Вадим Сидорков и связисты со станцией «РАФ». Мы разместились на трех машинах (на одной из них находилась радиостанция) и направились на юг.

По пути я заехал в штаб 214-й дивизии (в поселок Верхне-Рубежный), где встретился с командиром дивизии Н. И. Бирюковым. Его я не видел с 24 июля. Бирюков доложил обстановку. На участке фронта, который занимала дивизия, было подозрительно тихо. Противник не совершал попыток форсировать Дон и не вел активной разведки.

Мы сидели с генералом Бирюковым возле стога соломы и пили донскую воду с неведомо где добытым льдом. Вдруг мы оказались под огнем тяжелых орудий противника. Невдалеке от нашего стога взорвалось около тридцати снарядов. Когда чуть стихло, я распрощался с Бирюковым и поехал на юг, в поселок Генераловский, где по моим данным размещался штаб 29-й стрелковой дивизии 64-й армии.

...214-я стрелковая дивизия была одной из лучших дивизий 64-й армии, которая, не дрогнув, встретила и отразила наступление превосходящих сил противника: 51-го армейского корпуса 25 и 26 июля. Эта дивизия не отошла бы за реку Дон, если бы не была охвачена противником с севера.

Ее командир Н. И. Бирюков и весь личный состав в тяжелых условиях под давлением противника сумел тогда так организовать отход, что все попытки противника помешать и сбросить дивизию в Дон успеха не имели. Сейчас эта дивизия прочно закрепилась на восточном берегу Дона.

В последующих боях эта дивизия занимала наиболее ответственные и опасные участки фронта и успешно их обороняла. В период же контрнаступления 214-я стрелковая дивизия была противника, наступая на главном направлении удара...

К вечеру 2 августа мы прибыли в штаб 29-й стрелковой дивизии. 29-я дивизия располагалась по реке Аксай фронтом на юг от поселка Городской до Новоаксайского. К северу от нее по реке Дон занимала оборону 214-я дивизия. К югу от Потемкинской, от устья реки Аксай до Верхне-Курмоярской оборонялся приданный армии 255-й отдельный кавалерийский полк.

На левый фланг 229-й стрелковой дивизии в район Новоаксайский подходила 154-я морская стрелковая бригада.

Мне было также известно, что по рубежу реки Мышкова разворачивается и готовит оборону 118-й укрепленный район. Но это было в тылу, севернее реки Аксай.

Переночевав в штабе 29-й дивизии, утром 3 августа я выехал на разведку в направлении хутора Верхне-Яблочный, Котельниково. Со мной было два отделения стрелков и радиостанция, которых я прихватил из 29-й дивизии. Они передвигались на двух автомашинах. Видимость в степи была идеальная – километров на восемь-десять.

Подъехав с севера к хутору Верхне-Яблочный, мы заметили подходившие с юга две колонны пехоты с артиллерией. Это отступали на север 138-я стрелковая дивизия под командованием полковника Людникова И. И. и 157-я – полковника Куропатенко Д. С.

Обе дивизии были неполного состава и входили в 51-ю армию генерала Труфанова Н. И. Атакованные противником в районе Цимлянская и Ремонтная, они понесли большие потери и, не имея связи с армией, решили отходить на север, на Сталинград. С ними отходили два гвардейских минометных полка неполного состава во главе с заместителем командующего артиллерией армии генерал-майором В. П. Дмитриевым.

Подчинив обе дивизии себе, я принял решение вывести их за реку Аксай, занять и подготовить оборону от станицы Новоаксайской до ст. Жутово, растягивая свой фланг до железной дороги Тихорецк – Сталинград. Во втором эшелоне, за этими дивизиями, было решено поставить 154-ю морскую стрелковую бригаду, которая заняла участок для обороны от Верхне-Кумской до перекрестка дорог, что в двенадцати километрах восточнее. Свой импровизированный штаб южной группы я разместил в станице Верхне-Кумской. Начальником штаба был назначен один из офицеров штаба армии Н. И. Труфанова – Лотоцкий.

154-я морская стрелковая бригада в 20-х числах июля занимала оборону на западном берегу Дона в районе станицы Суворовской, южнее 214-й стрелковой дивизии, упираясь своим левым флангом в реку.

Эта бригада несколько дней отражала атаки превосходящих сил противника. В этих боях моряки проявили исключительную стойкость и героизм, отбив все атаки противника, нанесли ему большие потери в живой силе. Ведя бой на суше, матросы не забывали своих традиций «все за одного», подпускали фашистов на 100–200 метров и косили врага огнем, рвали ручными гранатами, переходили в штыковой бой.

Бригада отошла на левый берег по приказу, не потеряв ни одного орудия и винтовки, не оставив ни одного товарища убитого или раненого.

Эта бригада во главе с полковником Смирновым была поставлена в оборону во втором эшелоне и одновременно была наиболее надежным резервом группы, которой пришлось мне командовать.

Затем я связался со штабом Сталинградского фронта и через оперативного дежурного подробно доложил о создавшейся обстановке на южном участке фронта. Связи со штабом 64-й армии установить не удалось. Из штаба фронта мне сообщили, что на станциях Чилеков и Котельниково разгружается свежая сибирская 208-я стрелковая дивизия, и предложили подчинить себе и эту дивизию.

– Где штаб дивизии? – спросил я, но определенного ответа не получил.

Утром 4 августа, подтвердив свой приказ Людникову, Куропатенко и Смирнову готовить рубеж обороны по реке Аксай на занимаемых участках, я выехал на разведку через Генераловский, Верхне-Яблочный на юго-запад.

В степи на дорогах мы встречали отдельных людей и повозки дивизий Людникова и Куропатенко. Это до известной степени успокоило меня: значит, противника близко нет. Но в Верхне-Яблочном местные жители рассказали мне, что в районе Верхне-Курмоярской –

войска румын. Они переправлялись на левый берег Дона. Из Верхне-Яблочный мы повернули круто на юго-восток к железной дороге Тихорецкая – Сталинград.

В районе станции Гремячая мы опять встретили отходивших на юг вдоль железной дороги людей и повозки. С трудом найдя в толпе офицера, я узнал от него тяжелую весть: 3 августа несколько эшелонов 208-й дивизии, выгрузившись на станции Котельниково, были внезапно атакованы авиацией и танками противника. Уцелевшие подразделения отходили назад вдоль железной дороги. Где были командир дивизии, командиры полков и штабы – узнать не удалось.

Возле разъезда Небыковский батальон бойцов 208-й стрелковой дивизии, развернувшись цепью фронтом на юг, рыл окопы. Командир батальона доложил, что, узнав от отходящих с юга о появлении немецких танков в Котельниково, он по своей инициативе решил занять оборону. Где командир полка или дивизии, он не знал, поскольку его батальон только выгрузили. Я одобрил действия этого командира батальона, приказав задерживать отходящих, и обещал дать ему связь от ближайшего штаба, который надеялся найти на станции Чилеков.

Подъезжая к станции, мы увидели несколько воинских эшелонов. Разгружались части 208-й стрелковой дивизии. Весть о разгроме в Котельниково четырех эшелонов сюда еще не дошла. Около железнодорожного полотна и вокруг эшелонов толпились люди, дымились кухни, разворачивались тыловые подразделения.

Разыскав начальника одного из эшелонов майора по званию и командира батальона по должности, я кратко объяснил ему обстановку на юге и приказал выставить сильные заслоны к высотам с отметкой 141,8 и 143,8 у поселка Небыково, остальные подразделения отвести от станции и ждать указаний от командира дивизии или полка.

Мы развернули радиостанцию в МТФ № 1, чтобы связаться со штабом фронта. Помню позывной: «Акустик». Был полдень, в небе ни облачка. В поселке МТФ № 1, кроме нас, находились подразделения 208-й дивизии. Минут через пятнадцать адъютант Климов доложил, «Акустик» отвечает. Направляясь к радиостанции, я заметил в небе три девятки самолетов. Они шли с севера прямо на нас. Мне четко было видно, что это наши ИЛы.

И вдруг послышался грохот взрывов. Оглянувшись, я увидел, что эти самолеты бомбят станцию Чилеков и разгружавшиеся там эшелоны.

Подбежав к радиостанции, я приказал радисту по кодовой таблице передать: «На станции Чилеков наша авиация бомбит наши эшелоны!...» Следя за передачей тревожного сигнала «Акустик», я не заметил, как одна девятка, зайдя с севера, ударила по поселку МТФ № 1 бомбами, а затем, встав в круг, начали пикировать и поливать нас свинцом.

На войне случаются такого рода ошибки, но редко. И не всегда найдешь виновного. Штаб фронта не успел переориентировать командование дивизии и железнодорожную службу, оставив для 208-й дивизии ранее назначенное место выгрузки.

Летчики сделали налет на объект, установленный лишь визуальным наблюдением, не задумавшись над тем, что враг в то время никак не мог воспользоваться железной дорогой, что эшелонов противника там не могло быть. Виновных не было, но стоила эта ошибка нам многих напрасных жертв.

Нашу радиостанцию разбило при бомбежке. Я остался без связи со штабом нашей группы. Нельзя было связаться и с дивизиями. Но я не мог уехать, не разыскав командира дивизии полковника К. М. Воскобойникова. Нашли мы его только к вечеру на разъезде Бирюковский. Он был вне себя. И его можно было понять.

– Товарищ генерал! – говорил он. – Что я объясню своим бойцам после таких напрасных потерь? Как я с ними буду говорить? Мне трудно собрать дивизию!

Я приказал вызвать комиссара дивизии, начальника штаба и начальника политотдела. Тут же мы вместе наметили план действий. На стол легли тактические карты, и начал проясняться оперативный план.

Я приказал ночью собрать все части дивизии, отвести их ночью за реку Аксай и занять участок обороны от поселка Антонов до хутора Жутов-1-й и немедленно организовать усиленную разведку перед фронтом дивизии и обратить особое внимание на обстановку на ее левом фланге.

Меня смущало, что гитлеровцы не нанесли по ней удара на других станциях выгрузки – не было ли это хитростью? Не обходят ли они нас стороной, восточное железной дороги Сталинград – Сальск – Тихорецкая, прямо на Сталинград?

По данным, которыми я располагал, можно было предположить, что гитлеровцы, не желая ввязываться в бой с нашими частями, расположенными вдоль железной дороги на Котельниково и западнее, решили сделать глубокий обход и выйти к Волге через поселки Пимен-Черни, Плодовитое и Тингута. Как потом стало известно, танковые колонны 48-го танкового корпуса противника из района Котельниково устремились именно в этом направлении.

2

Уже ночью мы выехали к себе в импровизированный штаб южной группы.

На наше счастье светила луна, и мы ехали, не включая фар по освещенной луною степи. Около перекрестка дорог, в десяти километрах южнее Генераловского, мы заметили кавалерийский разъезд. Высланная вперед на машине команда стрелков нашей охраны встретила кавалеристов.

– Стой! Кто такие?

Они ответили, и все обошлось без особых приключений.

Это был разъезд 255-го отдельного кавалерийского полка, который отходил от станции Верхне-Курмоярской. От начальника разъезда мы узнали, что там с раннего утра противник крупными силами начал переправляться через Дон. Кавалерийский полк, растянутый на широком фронте, не имел сил воспрепятствовать этой переправе.

– Передайте командиру полка, – приказал я начальнику разъезда, – вести разведку на фронте Потемкинская – Верхне-Яблочный, следить за действиями противника и за возможным подходом его частей из района Котельниково. – Связь со мной я предложил держать через штаб 29-й дивизии, который находился в поселке Генераловский.

Приехав в Генераловский, я узнал, что 29-я дивизия распоряжением штаба фронта спешно снимается с участка обороны и перебрасывается на восток, в район станции Абганерово. Штаб фронта учел надвигающуюся опасность с юго-запада и принимал соответствующие меры.

Штаб 64-й армии перебрасывался в район Зеты, что юго-западнее Сталинграда. Войска 64-й армии, сражавшиеся на Дону, передавались в состав 62-й армии.

Два дня разъездов измотали моих товарищей. Мы остались в поселке Генераловский до утра.

Утром 5 августа нас разбудил грохот взрывов, доносившихся из степи, – это авиация противника бомбила и штурмовала колонны 29-й стрелковой дивизии, которые тянулись по направлению Верхне-Кумский на северо-восток. Отход дивизии не прикрывался с воздуха ни истребителями, ни зенитной артиллерией.

В то же утро командиру 255-го кавалерийского полка было приказано оборонять участок, оставленный 29-й дивизией, включая Чаусовский и Генераловский. Конечно, одного кавалерийского полка для обороны такого участка было мало, но другими средствами мы не располагали. Положение спасала малая активность противника. Это дало нам основание предположить, что он изберет другое направление для удара. Против нашего кавалерийского заслона выбрасывались, в основном, немногочисленные румынские подразделения.

От разведчиков нам стало известно, что части противника, переправлявшиеся через Дон у Верхне-Курмоярской, направляются на северо-восток, выбрасывая на реку Аксай слабые заслоны. Маневр этих частей был ясен – обеспечить левый фланг главных сил 4-й танковой армии Гота, наступавших от Котельниково на Сталинград обходом с юго-востока.

Войсковая разведка уточнила также, что немцы, захватив Котельниково, не идут по кратчайшему пути вдоль железной дороги, а направляют свои главные силы через Пимен-Черни, Дарганов, Уманцево и выходят в район Тингута, Плодовитое, Абганерово.

Связавшись со штабом фронта, я доложил о создавшейся на юге обстановке и получил категорическое приказание удерживать позиции по реке Аксай теми силами, которые остались в моем распоряжении.

Другого задания и ориентировки я не получил, хотя от штабных работников фронта, разъезжавших по тылам, от телефонистов и из других источников, которые именовались «солдатский вестник», знал, что в наших тылах идет усиленная перегруппировка войск.

Я ждал наступления немецко-румынских войск, которые не могли не знать о нашей перегруппировке. Их удар на север из района Круглякова и станции Жутово мог сорвать маневр 64-й армии и других войск.

Предупредив подчиненные мне войска о подготовке к упорной обороне рубежа по реке Аксай, я занялся проверкой готовности войск к обороне и особенно артиллерии и выслал во все стороны разведку.

В резерве остались 154-я морская стрелковая бригада и два полка «катюш», последние были тщательно замаскированы в балках.

Наступление немецко-румынских войск началось вечером 5 августа в стыке дивизий Людникова и Куропатенко. Главный удар наносился между населенными пунктами Чиков, Дорофеевский на фронте протяжением восемь километров. Пехоте противника удалось переправиться через Аксай и частично вклиниться в наши боевые порядки. Вражеские танки пока оставались на южном берегу, по-видимому, готовили переправы.

Было ясно, что немецко-румынские войска, захватив плацдарм на северном берегу реки Аксай, постараются за ночь навести переправы для танков и с утра 6 августа начнут наступление, бросив в бой свои главные силы. Я говорю: было ясно, что так будет действовать противник, и в этом вижу уже результат хотя и маленького, но все же конкретного личного опыта, который получил в боях на правом берегу Дона.

Веря в непогрешимость своих тактических и оперативных приемов, гитлеровцы и здесь действовали по такому же, как и за Доном, шаблону: авиация, затем артиллерийский огонь, потом пехота, а за ней танки. Другого порядка в наступлении через водную, хотя и маленькую преграду, они не знали. И когда вечером 5 августа наши разведчики и наблюдатели обнаружили перед фронтом обороны скопление пехоты, артиллерии и обозов, особенно в балке Попова, нам уже нечего было долго раздумывать – мы знали: противник будет действовать именно так.

Я решил сорвать это наступление.

Мой план был прост: рано на рассвете нанести артиллерийский удар по скоплению противника на исходных позициях, затем дружной контратакой отбросить его пехоту за реку Аксай.

Мы не делали никаких сложных маневров, кроме выдвижения двух полков «катюш» на огневые позиции для залпа. Наши артиллерия и минометы вели огонь по ранее разведанным и пристрелянным целям. После артиллерийского налета стрелковым частям оставалось только подняться и перейти в атаку. Танков у нас не было, на помощь своей авиации я не рассчитывал, так как установить с ней связь не удалось.

Откровенно говоря, боязно было производить даже простые маневры войсками, которые я собрал во время отступления, не зная, на что они способны. Однако я думал, что если наша

атака почему-либо не увенчается успехом или вообще не состоится, то все же фронт обороны останется занятым.

Танки – главная опасность – еще находились на той стороне Аксай. Но если они ночью переправятся, то наш контрудар будет явно обречен на провал, ибо у нас не было не только противотанковой артиллерии, но даже противотанковых гранат. Обстановка рискованная, однако бездействие могло еще больше осложнить ее.

Наступила ночь. Противник вел себя беспечно. В его расположении машины двигались с зажженными фарами. Танки ждали, когда для них наведут переправы. «Значит, противник рассчитывает, – подумал я тогда, – пустить в ход бронированный кулак, когда его авиация повиснет над нашими головами, когда артиллерия подавит наши огневые точки, когда пехота двинется вперед. В общем, как всегда, обычным порядком противник рассчитывает проутюжить наши окопы гусеницами. Не выйдет!»

Ночью я побывал у командиров дивизий – Людникова и Куропатенко – и передал им свой план действий на утро 6 августа. Они поняли меня с полуслова и приступили к подготовке атаки.

Наш расчет на внезапность полностью оправдался. На рассвете артиллерия открыла огонь по скоплениям противника, и мы, находясь на высоте 147.0, видели, как из балок и укрытий начали разбегаться вражеская пехота, побежали и артиллеристы. Все это в беспорядке бросилось на юг.

Массы людей и обозов, в панике хлынувшие на юг, за Аксай, задержали и переправу танков.

Таким образом, нам удалось почти без потерь сорвать наступление, которое противник готовился начать 6 августа. Однако атаковать и вышибать пехоту противника, которая с вечера находилась в развернутых боевых порядках в степи и уже окопалась, оказалось значительно труднее.

В результате боя 6 августа противник понес большие потери убитыми, ранеными и пленными. Мы захватили восемь орудий, много винтовок и пулеметов.

Я убедился, что войска не потеряли боевого духа, дрались хорошо: в атаки ходили дружно, врага встречали без паники и стойко. А это было самым главным.

Так мы не только устояли перед противником, но и основательно побили его.

К исходу дня, доложив штабу фронта о ходе боев за сутки, я узнал, что в это же время шло сосредоточение наших войск в районе Абганерово и Тингута, куда был переброшен штаб 64-й армии. Там готовился для противника крепкий отпор.

В командовании фронта произошли перемены. Генералы Гордов и Никишов были отстранены от руководства фронтом. Командующим фронтом назначался генерал-полковник Андрей Иванович Еременко, которого я знал лично с 1938 года по службе в Белорусском военном округе. Там мы часто проводили совместные учения войск. И уже ночью я послал ему короткое письмо со своими предложениями: не ограничиваться пассивной обороной, а при каждом удобном случае переходить в контратаки и наносить контрудары. Я предлагал имеющимися под моим командованием силами нанести удар через Чилеков на Дарганов или Пимен-Черни.

Ответа на это письмо я не получил и даже не уверен, что оно дошло до Еременко.

Вскоре мне стало известно, что склад боеприпасов, находившийся на берегу Волги, взорван. Нам угрожал «патронный голод». Так и получилось. Раньше мы получали боеприпасов столько, сколько могли увезти, а теперь некоторые наши машины, посланные за снарядами, возвращались пустыми.

7 августа противник снова перешел в наступление на том же направлении. К полудню ему удалось вклиниться в нашу оборону километров на пять-шесть.

Исправлять положение мы решили опять контратакой. Задача формулировалась кратко: разгромить и отбросить противника за Аксай. Но контратаку решили провести не днем, когда авиация противника действовала особенно энергично, и не утром, как это мы сделали 6 августа, а за два часа до захода солнца, когда его авиации почти не останется светлого времени и когда его танки, отделенные от пехоты, будут еще за рекой.

На этот раз наши контратаки нацеливались уже не в лоб, а с флангов: Людников – с северо-запада на юго-восток из района балки Песчаной на отметку 78,9; Куропатенко – с северо-востока на юго-запад из района балки Лескина на отметку 79,9. Оба эти удара должны были сойтись в районе отметки 36.5.

И этот план, устно согласованный и отработанный с командирами дивизий Людниковым и Куропатенко, полностью удался. Противник снова был крепко побит и отброшен.

Мы захватили несколько десятков пленных.

На позициях, занятых на реке Аксай, мы вели бои около недели. Немецко-румынские войска переходили в наступление почти каждый день. Им удавалось вклиниться в наши боевые порядки, но мы незамедлительно переходили в контратаки и отбрасывали их обратно.

В этих боях у нас выработались особые приемы, особая тактика.

Обычно противник начинал наступление часов в десять-двенадцать дня. Часа два-три у него уходило на переправу через Аксай и на подход к нашей первой линии, которая, по существу, была усиленным боевым охранением.

Наступление пехоты противника поддерживалось огнем артиллерии и небольшим количеством авиации: две-три девятки.

Наше боевое охранение, ведя огневой бой под прикрытием и при поддержке своей артиллерии, медленно отходило к главной полосе обороны. В такой обстановке противник никак не мог выбрать момент для атаки, и на подход к главной позиции у него уходило также два-три часа. Для прорыва главной полосы обороны он вынужден был останавливаться, подтягивать свои силы, огневые средства, организовывать связь и управление. Таким образом, до наступления темноты захватчики не успевали прорвать нашу оборону, а ночью они драться не любили. Мы же переходили в контратаку или вечером, или на рассвете, когда авиация противника сидела на аэродромах. Наши части производили артиллерийский и минометный налет и наносили, короткий, но сильный контрудар в наиболее слабое место в боевых порядках противника и отбрасывали его на исходные позиции.

Так повторялось несколько раз.

12 августа по приказу штаба фронта в состав южной группы вошли 66-я морская стрелковая бригада и Сталинградский УР (укрепленный район).

Передача в мое распоряжение этих частей несколько уплотнила довольно редкие боевые порядки южной группы, особенно на правом фланге. Используя естественные препятствия – реку, овраги, балки, мы создали прочную оборону.

В это же время части 64-й армии, усиленные танковым корпусом Т. И. Танасчишина, вели упорные оборонительные бои с 4-й танковой армией противника, наступавшей с юга на район Плодовитое – Абганерово.

Если бы обстановка позволила собрать две-три стрелковых дивизии и две танковых бригады в районе Верхне-Кумский, Жутovo, то этими силами можно было бы предпринять атаку вдоль реки Аксай на восток с выходом во фланг и на тылы 4-й танковой армии Гота. Это поставило бы танковую армию Гота в тяжелое положение.

17 августа мы получили приказ штаба фронта на отход на реку Мышкова. Штаб группы тут же разработал план отхода наших войск на новый рубеж.

Я был уверен, что войска южной группы сумеют оторваться от противника и отойдут на новый рубеж без потерь. Поэтому, отдав последние распоряжения на отход, я лег спать, чтобы рано утром выехать в войска, отходившие на новые позиции. В полночь ко мне прибыл

заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант Филипп Иванович Голиков. Он поднял меня с постели, когда наши войска уже начали отходить.

Ознакомившись с планом и организацией отхода войск южной группы, Ф. И. Голиков для уточнения указал мне по карте новый рубеж обороны и, узнав о том, что мы приняли необходимые меры на случай, если противник попытается преследовать отходящие войска, также прилег отдохнуть.

Ускорив темп, войска группы успешно совершили ночной отход и прибыли на новый оборонительный рубеж обороны без потерь.

Наш отход на новые оборонительные рубежи противник обнаружил с большим опозданием. Только вечером 18 августа над рекой Мышкова появились его разведывательные самолеты. Однако он не стремился атаковать наши части на новых позициях. Вероятно потому, что не видел в этом целесообразности. В это время основные события происходили на других направлениях: Вертячий, Сталинград на правом фланге 62-й армии и 4-й танковой, обороняющей плацдарм в малой излучине Дона, и на левом фланге 64-й армии в районе Плодовитое, Тундутово, Сталинград. В боях на этих направлениях участвовало значительно больше войск и техники, чем на реке Аксай. В это время 64-я армия под командованием генерала М. С. Шумилова стойкой и активной обороной в районе Плодовитое, Абганерово нанесла противнику ряд сильных контрударов и даже вынудила его на некоторое время приостановить наступление.

Обстановка в управлении 64-й армии была нормальная, боевая; мои взаимоотношения с М. С. Шумиловым всегда были товарищескими, хорошими, о чем приятно вспомнить.

Войска южной группы по указанию командующего фронтом снимались с правого фланга и для уплотнения наших боевых порядков выводились на главное направление удара 4-й танковой армии противника. Дивизия Людникова заняла оборону в районе разъезда 74-й километр; дивизия Куропатенко – в районе Васильевка – Абганерово.

3

На Сталинградском направлении к 8-10 августа 6-я армия Паулюса, потеснив войска 62-й армии и отразив контрудары 1-й танковой армии в большой излучине Дона, через Дон не переправилась, несмотря на то, что 4-я танковая армия Гота, наступая на Сталинград с юга, захватила Абганерово и подошла к станции Тингута.

Паулюс не рискнул сразу переправляться через Дон и наступать на Сталинград с запада, оставив в большой излучине Дона 6 стрелковых дивизий 62-й армии со средствами усиления в районе Суровикино, Володинский, Большая Осиновка и части 4-й танковой армии генерала Крюченкина в малой излучине Дона.

6 стрелковых дивизий 62-й армии были окружены 8-10 августа 11-м и 51-м армейскими, 14-м и 24-м танковыми корпусами. Командующий 62-й армией А. И. Лопатин предвидел это и просил разрешения отвести свои шесть дивизий на левый берег Дона. «К сожалению, штаб фронта и Ставка... не приняли своевременно решения по этому предложению». В результате этого окружения шесть дивизий 62-й армии понесли большие потери. Только незначительные силы без техники сумели ночами выйти из окружения и были направлены в глубокий тыл на формирование.

К 15 августа Паулюс сосредоточил главные силы против 4-й танковой армии генерала Крюченкина, находящейся в малой излучине Дона, и к 16 августа овладел ею, кроме плацдарма, удерживаемого частями 1-й гвардейской армии. Только после захвата малой излучины Дона 6-я армия начала форсировать Дон у Нижне-Акатов и Вертячий.

Рано утром 15 августа противник после мощной авиационной и артиллерийской подготовки перешел в наступление главными силами в центре обороны в направлении Оськин –

Сиротинская и вдоль правого берега Дона на Трехостровская. Прорвав нашу оборону на обоих направлениях, противник к 12 часам вышел к поселку Родионов.

Командующий фронтом А. И. Еременко, оценив сложившуюся обстановку, решил ввести в бой свежие силы и 17 августа нанести контрудар с задачей уничтожить прорвавшегося противника и восстановить положение в малой излучине Дона, которое существовало до 13 августа. Для участия в контрударе на правом фланге 4-й танковой армии привлекались 321-я, 205-я, 343-я и 40-я гвардейская стрелковые дивизии. На левом фланге должны были нанести контрудар вновь прибывшие дивизии 1-й гвардейской армии 37-я и 39-я гвардейские, 18-я стрелковая дивизия и 22-й танковый корпус.

Переданная из резерва фронта в состав 62-й армии 98-я стрелковая дивизия, усиленная 193-й танковой бригадой и 5-м гвардейским минометным полком, должна была в ночь на 16 августа форсировать Дон у Вертячего и ударом на Родионов совместно с войсками 4-й танковой армии разгромить соединения правого фланга противника, наступающего по левому берегу Дона на Трехостровская.

Командующий 21-й армией получил задачу силами 63-й стрелковой дивизии форсировать Дон у Мало-Клетской и с утра 17-го наступать на Ореховский.

Такой план контрудара с четырех направлений казался заманчивым, но он явно не мог быть увязан по времени и пространству. За одни сутки сосредоточить такие силы, переправить их через Дон, увязать взаимодействие в согласованный контрудар было невозможно.

Противник, пользуясь достигнутым успехом 15 августа, 16-го с утра продолжал наступление. К исходу 16-го почти весь плацдарм (т. е. малая излучина Дона) находился в его руках. Наши части, объединенные 1-й гвардейской армией, занимали на правом берегу Дона небольшой плацдарм глубиной 10–12 километров на фронте Кременская, Шохин, Сиротинская. От Сиротинская на восток до Качалинской и далее на юг весь правый берег Дона находился в руках противника. В районе Ниж. Акатова он сумел захватить небольшой плацдарм на левом берегу.

С утра 17 августа главные силы 6-й армии Паулюса были направлены на форсирование реки Дон, на расширение захваченного плацдарма в районе Ниж. Акатов. С 17-го до 20 августа ему удалось с большими потерями прорвать оборонительные позиции войск 4-й танковой армии, отбросить 39-ю гвардейскую, 18-ю и 184-ю стрелковые дивизии и 22-ю мотострелковую бригаду на восток. Этот прорыв образовался в стыке 4-й танковой и 62-й армий. Все попытки войск 4-й танковой и 62-й армий сбросить противника с плацдарма успеха не имели.

Остановить врага не удалось, он вырвался на дороги, ведущие к Волге. Но мы сорвали сроки его наступления, замедлили его продвижение. С каждым днем возрастала стойкость наших бойцов и командиров.

Мы отступали. Но на каждом рубеже обороны противник встречал ожесточенное сопротивление, устилая русскую землю своими трупами. А мы, отступая, учились бить врага.

Я вправе говорить о 62-й и 64-й армиях. В этих армиях зарождался массовый героизм Сталинграда, они стали армиями подлинно массового героизма.

Именно в эти дни совершили подвиг шестнадцать гвардейцев 111-го гвардейского стрелкового полка во главе с коммунистом младшим лейтенантом В. Д. Кочетковым. Получив приказ занять позицию на одной из высот в районе Клетская, гвардейцы знали, что до подхода подкрепления им предстоит выдержать тяжелый бой, и дали друг другу слово не отступать ни на шаг.

Сначала горстку бойцов четыре раза безуспешно атаковал небольшой отряд пехоты, потом гитлеровцы бросили против них роту автоматчиков. Но и эта атака была отбита.

На рассвете следующего дня на смельчаков двинулись двенадцать фашистских танков. А у шестнадцати советских воинов не было даже ни одного противотанкового ружья. К тому же многие были ранены. Тяжелое ранение получил и командир.

Начался смертельный бой. Один из гвардейцев бросился со связкой гранат под гусеницы передней машины. Танк вспыхнул. И вот уже второй герой последовал примеру товарища, за ним третий, четвертый... На поле боя пылали четыре подорванных фашистских танка. Нервы гитлеровских танкистов не выдержали. Несколько машин повернули вспять. Но два стальных чудовища продолжали упорно двигаться вперед.

Из шестнадцати героев-гвардейцев в живых остались только четверо: Чирков, Степаненко, Шукматов и младший лейтенант Кочетков. Они могли укрыться в окопе, могли спастись в овраге. Но это значило отдать рубеж врагу, открыть ему путь к Волге. И, положив в укрытие своего умирающего командира, Чирков, Степаненко и Шукматов взяли связки гранат и с возгласом: «Нас не возьмешь!» – бросились под фашистские танки. Вражеские машины были уничтожены.

Когда к рубежу, обороняемому героями-гвардейцами, подошло подкрепление, все увидели на склоне высоты шесть остовов сгоревших немецких танков. Приняв бой с превосходящими силами врага, защитники высоты погибли, но не отступили ни на шаг. Один из шестнадцати гвардейцев, как выяснилось после войны, остался жив. Это П. А. Бурдин, который тяжело раненным попал в госпиталь, снова воевал и дошел до Берлина.

Сражение между Волгой и Доном

1

С 20-х чисел августа сражение на сталинградском направлении перекинулось к востоку, на перешеек между Волгой и Доном. Главные силы 6-й армии Паулюса и 4-й танковой армии Гота нацеливались на Сталинград. Теперь эти две армии и основные средства усиления были объединены единой целью – временем и пространством. В то же время силы наших двух фронтов Сталинградского и Юго-Восточного 23 августа были рассечены до самой Волги.

24 августа по просьбе Шумилова я выехал в район деревни Васильевка, где по донесению командира соединения шли жестокие бои с наступающим противником.

К северу от Васильевки и Капkinsкой, у отметки 110.4. я нашел наблюдательный пункт командира артиллерийского полка, который был придан дивизии Куропатенко. Сюда пробились вражеские танки и пехота, но полк почему-то бездействовал.

– Почему не ведете огня по наступающему противнику? – спросил я командира.

Тот немного смутился:

– Снаряды на исходе...

Так обычно отвечали командиры, когда собирались отходить.

– Приказываю немедленно зарядить орудия и открыть огонь!

– По какой группе?..

– По резервам противника.

С наблюдательного пункта хорошо было видно, как из района поселка Бирзовой выдвигаются большие группы вражеской пехоты.

Раздался один залп, другой и подходившие резервы противника начали разбегаться по балкам, а затем и оттуда побежали люди, устремились подводы и машины. Фашистам не понравился прицельный огонь.

Вскоре на наблюдательный пункт прибыл командир дивизии. Мы тут же организовали дополнительный огневой удар дивизионной артиллерии, и стрелковые полки перешли в контратаку. Завязался бой, который длился два часа, поселки Васильевка и Каплинская перешли в наши руки. Противник в беспорядке отступил на юг.

На следующий день я выехал на так называемый командный пункт дивизии Людникова, который находился в районе разъезда 74-й километр. Это была щель метра полтора шириной и метров шесть длиной. Она показалась настолько тесной, что, несмотря на приглашение Людникова, я не спешил в нее залезать.

Кругом рвались снаряды тяжелой артиллерии противника, но я не мог оторвать взгляда от поля боя: там началась контратака наших войск.

Главная сила контратаки – танковый батальон с пехотными подразделениями Людникова только что вступил в бой. Я видел, как под ударами наших войск немецкие танки и пехота попятись назад. Но минут через 20–30 налетели немецкие самолеты и начали пикировать. Наши танкисты и пехотинцы остановились и открыли огонь с места. Завязалась огневая дуэль между нашими и немецкими танками. И те и другие на сближение не шли. Так продолжалось несколько часов.

Положение на этом участке мне показалось прочным. Я проинформировал об этом Шумилова и выехал на участок 29-й дивизии в совхоз имени Юркина, что в десяти километрах севернее Абганерово.

Не доезжая до Абганерово, мы остановились около сгоревшего танка Т-34 и решили перекусить. Проголодались мы изрядно. Нам казалось, что не хватит имевшихся запасов.

Но лишь только мы уселись на землю, открыли консервы и потянулись к хлебу, я прямо перед собой, буквально в метре от нашего походного «стола», увидел торчащую из травы истлевшую, почерневшую человеческую руку. Я указал на нее взглядом, и мгновенно у всех аппетит испарился. Встали и, оставив разложенную на газете еду, сели в машину...

На командном пункте 29-й дивизии я опять встретил заместителя командующего фронтом генерала Голикова, которому, по-видимому, не сиделось в штабе фронта. Здесь мы увидели, как авиация противника бомбит свою пехоту. Это случилось после короткой перестрелки, когда наши подразделения быстро отошли на новый рубеж, предоставив пехоте противника возможность также быстро продвинуться вперед. Тогда и появились самолеты противника. Налетая группами по 20–30 самолетов, авиация противника более получаса бомбила свои войска. Немецкие пехотинцы и танкисты разбегались от своих же бомб, выпуская десятки ракет белого цвета: «свои», «свои». Но пикировщики продолжали свое дело, пока не кончились бомбы.

Это был несложный, но умный и стремительный маневр: быстро отступив с тех позиций, на которые была нацелена немецкая авиация, наши стрелковые подразделения как бы заманили противника под удар его собственных пикировщиков.

Вечером я решил возвратиться на командный пункт армии, который размещался в балке, в десяти километрах восточнее Зеты.

Направляясь к 74-му разъезду, мы увидели большую цепь красноармейцев. Перевалив железную дорогу, они отходили на север. Стрельбы не было слышно, и не видно было также, от кого отходит цепь и кто ее преследует. Мы втроем вышли из машины, остановили бойцов, вернули за насыпь железной дороги и заставили окопаться. Вскоре нашлись командиры взводов и рот дивизии Людникова, которым я и поручил держаться на занимаемой позиции. До командного пункта Людникова добраться мы не могли, потому что уже темнело, а в темноте можно было напороться на немцев.

Около железнодорожного переезда нам встретился работник политотдела армии (фамилии его не помню). Он сообщил, что Шумилов и весь штаб сидят на телефонах и разыскивают меня. Тут только я вспомнил, что уже около десяти часов не звонил в штаб армии.

Генерал М. С. Шумилов, его ближайшие помощники, члены Военного совета З. Т. Сердюк, К. К. Абрамов, начальник штаба И. А. Ласкин относились ко мне внимательно. Мы как-то быстро нашли общий язык, работали дружно, слаженно, проявляя постоянную заботу друг о друге. (Такая дружная обстановка сохранилась до последних дней моего пребывания в этой армии). И тут вдруг они потеряли меня.

Их тревога была, конечно, не напрасной. В ту пору бывали случаи, когда такие «блуждающие» генералы не возвращались совсем – погибали или попадали в плен.

Когда я вошел в землянку, Шумилов, увидев меня, громко закричал:

– Вот он, нашелся!

Он тут же позвонил начальнику штаба фронта и доложил ему о моем появлении.

Вскоре в землянку вошел член Военного совета. Меня упрекали и ругали, но на их лицах я видел нескрываемую радость. Долго не получая от меня известий, они, оказывается, дали указание Людникову и другим командирам частей разыскивать меня на поле боя, найти хотя бы разбитую машину. Но случилось так, что я вернулся жив-здоров и на своей машине.

2

Четыре корпуса из пяти, входившие в состав 6-й армии Паулюса, 23 августа устремились в наступление с плацдармов восточного берега Дона. По плану Паулюса 8-й армейский корпус должен был наступать через Котлубань, Кузьмичи и Ерзовку, обеспечивая всю операцию с севера; 14-й танковый корпус – через Бородин, разъезд Конный на Рынок, Спартановку;

51-й армейский корпус – через Россошки, Гумрак непосредственно на город; 24-й танковый корпус – туда же из района Калача через Карповку. 17-й корпус оставался за Доном.

4-я танковая армия Гота продолжала наступление, нанося главный удар с юга через Тундутово.

6-я армия Паулюса и 4-я танковая армия Гота с 20-х чисел августа вступили в тесное оперативное и тактическое взаимодействие.

48-й танковый и 4-й армейские корпуса армии Гота, начав наступление 21 августа, вклинились в стыке 64-й и 57-й армий в направлении Тундутово на 15 километров. Создалась угроза прорыва армии Гота с юга к Сталинграду и к Волге.

Командующий Юго-Восточным и Сталинградским фронтами А. И. Еременко для усиления обороны против 4-й танковой армии Гота снял с фронта 62-й и 4-й танковой армии четыре истребительных противотанковых артиллерийских полка, четыре гвардейских минометных полка и 56-ю танковую бригаду перебросил на угрожаемый участок 57-й армии южнее Сталинграда. Эти части помогли остановить наступление армии Гота, но их переброска с Дона на юг ослабила оборону 62-й и 4-й танковой армий, в стыке которых 6-я армия Паулюса подготавливалась к наступлению на Сталинград с запада.

Планируя выход к Волге севернее города, захватчики одновременно стремились глубоко охватить правый фланг 62-й армии. Они, по-видимому, старались самым пунктуальным образом выполнить план окружения 62-й и 64-й армий, смыкая клинья, идущие с запада и юга по самому берегу Волги.

Получив приказ Гитлера взять Сталинград к 25 августа, немецко-фашистские полчища, не считаясь ни с какими потерями, рвались к Волге. Наступил трагический день города, день 23 августа 1942 года, когда нескольким пехотным и одной танковой дивизиям противника ценой огромных потерь удалось прорвать оборону 62-й армии на участке Вертячий – Песковатка. В образовавшийся прорыв немецко-фашистское командование бросило несколько пехотных, две моторизованных и одну танковую дивизию 14-го танкового и 8-го армейского корпусов.

Передовые части врага, поддержанные ста танками, вышли севернее поселка Рынок к Волге.

Создалась чрезвычайно опасная ситуация. Малейшая наша растерянность, малейшее проявление паники были бы губительны. Гитлеровцы учитывали это. Именно для того, чтобы вызвать панику, и, воспользовавшись ею, ворваться в город, днем 23 августа они бросили на Сталинград армаду бомбардировщиков. За день было совершено около двух тысяч бомбардировочных вылетов. Воздушные налеты врага еще ни разу за всю войну не достигали такой силы. Огромный город, протянувшийся на пятьдесят километров вдоль Волги, был объят пламенем. Горе и смерть вошли в тысячи семей. Наши части ПВО 23 августа сбили около 90 самолетов противника. До темноты бомбардировка не прекращалась.

Однако эта ужасающая бомбардировка не вызвала паники, не посеяла смятения в ряды защитников Сталинграда. На призыв Военного совета фронта и партийной организации города воины и горожане ответили достойно. Знаменитые заводы – Тракторный, «Баррикады», «Красный Октябрь», электростанция стали бастионами обороны. Рабочие ковали оружие и вместе с войсками отстаивали заводы. Седые ветераны царицынской обороны, сталевары и тракторстроители, волжские матросы и грузчики, железнодорожники и судостроители, служащие и домохозяйки, отцы и дети – все единодушно выступили на защиту родного города. Вскоре на помощь им подошли воинские части генерала Сараева, полковников Горохова, Андрюсенко, подполковника Болвинова.

Сражение принимало все более ожесточенный характер. Каждый шаг гитлеровцам приходилось завоевывать ценою огромных потерь. Чем ближе немецко-фашистские орды подходили к городу, тем напряженнее становились бои, тем бесстрашнее дрались советские воины.

Если прибегнуть к сравнениям, то наша оборона в те дни напоминала пружину, которая, сжимаясь, увеличивает свою упругость.

Вот что пишет об этих боях первый адъютант армии Паулюса. «Советские войска сражались за каждую пядь земли. Почти неправдоподобным показалось нам донесение генерала танковых войск фон Виттерсгейма, командира 14-го танкового корпуса... Генерал сообщил, что соединения Красной Армии контратакуют, опираясь на поддержку всего населения Сталинграда, проявляющего исключительное мужество... Население взялось за оружие. На поле битвы лежат убитые рабочие в своей спецодежде, нередко сжимая в окоченевших руках винтовку или пистолет. Мертвецы в рабочей одежде застыли, склонившись над рулем разбитого танка. Ничего подобного мы никогда не видели...» (Выделено мною. – В. Ч.).

В эти же дни на фронте, в районе Малых Россошек, в сорока километрах западнее Сталинграда, отличились 33 воина 1379-го стрелкового полка 87-й стрелковой дивизии 62-й армии во главе с заместителем политрука комсомольцем Леонидом Ковалевым. Оказавшись в полном окружении, бойцы не отступили. 70 фашистских танков штурмовали позиции героев. У воинов кончился запас продовольствия. Стояла жара, а у людей не было ни капли воды. Но бойцы не дрогнули. В этом бою они сожгли 27 танков и уничтожили около 150 фашистов.

Встретив серьезное сопротивление на подступах к Сталинграду, гитлеровское командование стало наращивать силы. Сражение приобретало все больший размах.

Севернее города 23 августа гитлеровцы вышли к Волге, но расширить прорыв и захватить северную часть Сталинграда им не удалось. Поселки Рынок, Спартановка, Орловка, где была своевременно организована оборона, стали неприступной преградой. В боях на северной окраине города участвовали сотни трудящихся, бойцы зенитной артиллерии ПВО, которые стояли плечом к плечу с воинами 62-й армии. Здесь фашисты в город не прошли.

На юге, на участке 64-й армии фашистам также не удалось прорваться к Волге. Они были основательно побиты контратаками наших войск.

Наиболее слабая оборона была в это время в районе станции Котлубань и разъезда Конный – на правом фланге 62-й армии. Если бы от разъезда Конный захватчики повернули хотя бы две дивизии вдоль железной дороги на юг, то они могли бы легко выйти к станции Воропоново, в тыл 62-й и 64-й армиям, и отрезать их от города.

Но гитлеровские генералы, по-видимому, хотели одним выстрелом убить двух зайцев – захватить с ходу город и окружить все войска 62-й и 64-й армий. Они так увлеклись этим, что не заметили возрастающего упорства советских войск, растянутости своего фронта наступления и коммуникаций. Их расчет на создание паники и неуверенности, которые они надеялись вызвать варварской бомбардировкой, провалился. Население города выдержало этот жестокий удар.

Фронт обороны 62-й и 64-й армий в конце августа проходил от поселка Латашинка через Рынок, Орловку, поселок Советский, Ляпичев и далее на юго-восток по рекам Ерик и Мышкова до Васильевки, затем через совхоз имени Юркина по железной дороге до станции Тундутово.

Войска 62-й и 64-й армий находились по существу в мешке, дно которого было на берегу Дона у поселка Ляпичев, а края на севере у Рынок на Волге и у станции Тундутово на юге. Чтобы и на юге от станции Тундутово пробиться к Волге у Красноармейска, 4-й танковой армии Гота нужно было пройти 15 километров по прямой.

В штабе Гитлера оценивали обстановку как благоприятную для быстрого захвата Сталинграда и его пригородов. Поэтому Гитлер потребовал от генералов Паулюса и Гота 25 августа захватить Сталинград. Войска 62-й и 64-й армий находились в труднейшем положении.

Выручить наши войска могли только решимость и упорство всех, начиная от бойцов до командующего фронтом. Мы знали решение Ставки Верховного Главнокомандования,

лично Сталина, что за город будем сражаться всеми силами. Мы понимали, что судьба и результат кампании всего 1942 года решается здесь, на Волге.

Сталинград в 1942 году оказался, как Москва в 1941 году, таким объектом, в котором сошлись главные стратегические, политические, экономические и престижные цели и задачи всей войны. Накал боев на Волге дошел до такой степени, что осенью 1942 года весь мир замер. Все зависело от того, удержат ли советские войска Сталинград.

Несмотря на тяжелую обстановку, войска 62-й и 64-й армий не только оборонялись, но и наносили сильные контрудары по главным силам противника. Особенно было важно в последней декаде августа остановить южный клин противника, который двигался от Котельниково через станцию Тундутово к Волге. Его продвижение грозило окружением всех наших сил в районе Сталинграда.

Ставка Верховного Главнокомандования систематически усиливала войска Сталинградского и Юго-Восточного фронтов. С 1-го по 20 августа было направлено 15 стрелковых дивизий и 3 танковых корпуса, но прибытие их на фронт задерживалось из-за ограниченной пропускной способности железных дорог. Из общего числа стрелковых дивизий только 5 прибыли в район Качалинской к 20 августа, а танковые корпуса могли прибыть под Сталинград не ранее 23–24 августа. В связи с создавшейся напряженной обстановкой между Доном и Волгой, эти прибывающие соединения командующему фронту приходилось вводить в бой поспешно, часто без ориентировки на фронте и без подготовки к бою.

Прибывшая из резерва Ставки 315-я стрелковая дивизия 23 августа форсированным маршем направлялась в район Городище для занятия обороны на внутреннем обводе. Во второй половине дня эта дивизия была атакована на марше авиацией, а затем танками противника, прорвавшимися из района Вертячий.

35-я гвардейская стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор Глазков В. А., должна была занять оборону на среднем оборонительном обводе. Ее части только ночью 23-го могли выйти на рубеж обороны своими передовыми отрядами. Южнее станции Котлубань передовой отряд дивизии под командованием капитана А. А. Столярова принял бой с крупными силами танков и мотопехоты противника. Пять раз бросались фашисты в атаку на позицию этого передового отряда, но каждый раз с потерями откатывались назад. В разгар боя выбыл из строя капитан Столяров. В командование вступил капитан Рубен Руис Ибаррури, сын председателя ЦК Коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури. В этом бою он был смертельно ранен.

Капитану Рубену Руису Ибаррури было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Его прах покоится в городе-герое Сталинграде. Каждый год, в день смерти Рубена Ибаррури, можно видеть, как седая высокая женщина возлагает цветы на могилу героя. Это мать героя – Долорес Ибаррури.

35-я гвардейская стрелковая дивизия, атакованная превосходящими силами противника, не успев занять оборонительный рубеж, вынуждена была отойти в район Самофаловки.

Для ликвидации прорвавшегося противника к Волге были созданы две ударные группы. Первая – под командованием заместителя командующего Сталинградским фронтом генерал-майора Коваленко К. А., в составе 4-го и 16-го танковых корпусов, 84-й, 24-й, 315-й стрелковых дивизий получила задачу с утра 25 августа нанести удар в направлении балки Сухая Мечетка. Вторая группа в составе 2-го и 23-го танковых корпусов под командованием начальника ВТ и МВ Сталинградского фронта генерал-лейтенанта А. Д. Штевнева нацеливалась через Орловку в общем направлении на Ерзовку. Этим двум группам ставилась задача совместными действиями окружить и уничтожить вражескую группировку, прорвавшуюся к Волге в районе севернее Сталинграда.

Для восстановления фронта обороны по левому берегу Дона было приказано: левому флангу 4-й танковой армии силами 27-й гвардейской и 298-й стрелковой дивизий ударом

с севера на Вертячий уничтожить противостоящего противника и выйти на левый берег Дона на участке Нижне-Гниловский, Вертячий; 62-й армии правым флангом с приданными 35-й гвардейской стрелковой дивизии и 169-й танковой бригады наступать на Песковатка и к исходу дня овладеть рубежом Вертячий, Песковатка, соединившись на левом берегу Дона с 4-й танковой армией.

Штаб Сталинградского фронта продолжал оставаться в Сталинграде. Для удобства управления в районе Мал. Ивановки 26 августа был организован ВПУ (вспомогательный пункт управления), на котором находились заместитель командующего фронтом генерал-майор Коваленко К. А. и начальник штаба фронта генерал-майор Никишов Д. Н.

Удары групп генералов Коваленко и Штевнева поставили 14-й танковый корпус противника в тяжелое положение. 26 августа ширина коридора прорыва в районе Котлубань сократилась до 4 километров. Паулюс был вынужден снабжать этот корпус по воздуху.

Противник к этому времени успел организовать сильную систему противопехотного и противотанкового огня. Его авиация в эти дни проявила особую активность, еще на марше методически бомбила и обстреливала наши войска, не давая возможности в течение светлого времени организованно подготовиться и вступить в бой.

Контрудары левофланговых сил 4-й танковой армии и правофланговых частей 62-й армии с целью выхода на левый берег Дона на участке Нижне-Гниловский, Вертячий, Песковатка также не имели успеха.

Резервы Ставки, предназначенные для фронта, начали прибывать только 23 августа на станции разгрузки Фролово, Лог на удалении около 100 километров от района боевых действий и к кризисному моменту боя подойти не успели.

Особо надо сказать о работе связи в эти дни.

Связь и на второй год войны была у нас слабым местом. Гитлеровцы во всех звеньях использовали рации. У нас превалировала проводная связь. Она постоянно выходила из строя. Приходилось рассылать офицеров, что крайне затрудняло руководство войсками, разбросанными на степных просторах. Решение штаба фронта провести в жизнь не доставало ни времени, ни средств. Запоздывала из-за плохой работы связи и точная информация с передовой.

Война моторов требовала значительной большей мобильности во всех звеньях управления войсками, чем мы располагали в то время.

Мы отходили под усиливающимся давлением противника. Приказы со словечком «немедленно» частенько приходили в часть, когда уже были оставлены поименованные в приказах населенные пункты, а иной раз, переставала существовать, как боевая единица и та часть, которой надлежало выполнить приказ.

В дни грозной опасности особенно напряженно работала городская партийная организация. Городской комитет обороны под руководством первого секретаря обкома КПСС тов. Чуянова А. С. превратился в боевой орган Военного совета фронта. В заводских районах формировались рабочие батальоны для защиты своих заводов. Эти батальоны, сформированные из рабочих Тракторного завода, «Красный Октябрь», «Баррикады» и других предприятий, стали грудью на защиту своего города.

Партийные организации города и области, армии под руководством Военного совета фронта и политического управления развернули широкую неумолимую работу среди масс, направленную на быстрейший разгром врага. Сотни коммунистов шли на фронт, на передовую линию борьбы. Наряду с этим была развернута беспощадная борьба с проявлением какой бы то ни было паники и трусости. Коммунисты были впереди, на самых ответственных участках боя.

Ниже я привожу документ, который имел большое значение в обороне города. Воззвание Городского комитета обороны, возглавляемого секретарем Сталинградского обкома товарищем Чуяновым А. С.

«Дорогие товарищи! Родные сталинградцы! Снова, как и 24 года назад, наш город переживает тяжелые дни. Кровавые гитлеровцы рвутся в солнечный Сталинград к великой русской реке Волге. Сталинградцы! Не отдадим родного города на поругание немцам. Встанем все как один на защиту любимого города, родного дома, родной семьи. Покроем все улицы непроходимыми баррикадами. Сделаем каждый дом, каждый квартал, каждую улицу неприступной крепостью. Выходите все на строительство баррикад. Баррикадируйте каждую улицу. В грозный 1918 год наши отцы отстояли Царицын. Отстоим и мы в 1942 году Краснознаменный Сталинград!

Все на строительство баррикад! Все, кто способен носить оружие, на защиту родного города, родного дома!»

В горящих кварталах героически действовали отряды МПВО, медико-санитарные подразделения, пожарные команды. Была произведена эвакуация женщин, незанятых на производстве, детей и стариков, а также раненых на левый берег Волги. Несмотря на большие потери от бомбежки, суда речного порта и Волжской военной флотилии проводили под огнем эвакуацию, переправляли с левого берега на правый войска и технику, а военная флотилия частью сил своим огнем наносила удары по противнику, прорвавшемуся к северной окраине города.

Партийные организации области и города проводили большую организационно-политическую работу среди вновь прибывающих войск. Пользуясь каждой минутой и часом времени, совместно и по согласованию с армейскими партийными органами организовывали взаимодействие между рабочими отрядами с ротами и батальонами армейских частей. В эти дни осажденный Сталинград превратился в воюющий город-крепость. Под руководством партийных органов и организаций все было мобилизовано на отпор коварному врагу. Прибывающие из глубины страны войска видели в городе боевую сплоченность войск и жителей, что укрепляло их волю сражаться насмерть.

Наши контрудары не могли остановить разогнавшуюся гитлеровскую машину в большой излучине Дона, а также между Доном и Волгой. Но наступательные планы Гитлера срывались по срокам. Через дым пожаров июльских и августовских боев и сражений на гитлеровские войска уже надвигался мрак поражений.

С 21 августа по конец месяца, когда 62-я и 4-я танковая армии отражали наступление 6-й армии Паулюса на Сталинград с запада и севера (из района Акатовка, Орловка), войска 64-й и 57-й армий вели ожесточенные бои с главными силами 4-й танковой армии Гота. Армия Гота, прикрывшись на левом фланге дивизиями 6-го армейского корпуса румын, 48-м танковым и 4-м армейским корпусами, наносила главный удар вдоль железной дороги на Красноармейск. Атаки войск противника чередовались с контратаками войск 57-й и 64-й армий. Поле боя ограничивалось с запада железнодорожными станциями Тундутово, Абганерово, с востока – озерами Цаца и Сарпа. Со стороны противника в этом районе действовало около 250 танков. 24 августа 14-й и 24-й танковым и 29-й моторизованной немецким дивизиям удалось прорваться с юга к поселку Солянка, но дальше продвинуться они не смогли. Героическая оборона и контратаки 422-й, 244-й и 15-й гвардейской стрелковых дивизий остановили наступление армии Гота. Несомненно, переброшенные 21–22 августа в этот район истребительно-противотанковые, артиллерийские полки и гвардейские минометы с Дона сыграли положительную роль.

В этих боях особенно отличились артиллерийские подразделения, которые в общем итоге подбили и сожгли около 60 танков противника.

На позиции огневого взвода 43-го гвардейского артиллерийского полка 15-й гвардейской дивизии после мощной авиационной подготовки наступало около 20 танков с десантом автоматчиков. Командир взвода старший сержант М. П. Хвостанцев, подпустив танки на прямой выстрел, открыл огонь и с первых же выстрелов подбил две машины. Остальные танки, отстреливаясь, повернули обратно. Вскоре на этот артиллерийский взвод налетела авиация, танки,

ведя огонь на ходу, снова пошли в атаку. Многие бойцы-артиллеристы были ранены. Хвостанцев приказал им отходить в тыл, а сам с пятью бойцами продолжал вести огонь из одного уцелевшего орудия. Несколькими выстрелами Хвостанцев подбил еще один танк. Вскоре кончились боеприпасы. Вражеские танки с двух сторон стали охватывать огневые позиции взвода. Орудийные расчеты были все перебиты. Тогда М. П. Хвостанцев, взяв противотанковое ружье, в упор расстрелял еще один танк. Остальные продолжали двигаться на природный окоп. Схватив гранату, Хвостанцев, выпрыгнув из окопа, метнул ее в головной танк, но безрезультатно. Он успел снова вскочить в окоп, который начал утюжить танк. Когда же немецкая машина стала отходить, Хвостанцев поднялся из окопа и метнул в нее гранату; он не видел, куда попала его последняя граната, он был сражен автоматным огнем немецких пехотинцев.

Подвиг М. П. Хвостанцева был отмечен Советским правительством. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Это один из героических подвигов наших артиллеристов, но таких подвигов было десятки и сотни.

Около недели 4-я танковая армия Гота вела безрезультатные бои, она понесла большие потери в людях и боевой технике и была вынуждена отказаться от дальнейшего наступления на Красноармейск и через него к Волге. Клеши, подготовленные гитлеровским командованием, должны были достигнуть Волги, а затем сжиматься по правому берегу Волги с севера на юг через Рынок, Спартановку, Сталинградский тракторный и с юга на север через Красноармейск, Бекетовку. Героическая оборона войск 62-й, 64-й и 57-й армий совместно с трудящимися Сталинграда сорвала этот замысел.

Гитлеровское командование 27 и 28 августа скрытно произвело перегруппировку войск с правого фланга на левый, вернее, в центр, в район Абганерово – Капкинский. Туда были переброшены 14-я, 24-я танковые, 29-я моторизованная дивизии, а также 6-я и 20-я пехотные дивизии румын, нацелив их удар через поселки Зеты, Нариман на соединение с 6-й армией Паулюса. Создавалась реальная угроза окружения частей 62-й армии и двух дивизий 64-й армии.

Маневр был, однако, вовремя обнаружен нашей разведкой, и командующий фронтом дал приказ войскам 62-й и 64-й армий отойти на новый оборонительный рубеж: Рынок – Орловка – совхоз «Новая надежда» – Большая и Малая Россошка восточный берег реки Россошка – восточный берег реки Червленной – Новый Рогачик – Ивановка.

В ночь на 30 августа я с армейским инженером 64-й армии полковником Ю. В. Бордзиловским выехал на рекогносцировку рубежа по реке Червленной. Нам пришлось заночевать в деревне Песчанка у начальника тыла армии генерала Александрова. Рано утром мы приступили к рекогносцировке.

Утром 30 августа во время рекогносцировки в районе Нового Рогачика мы видели отходившие части 62-й армии, а в районе Карповки уже шел бой. Части 64-й армии находились в тридцати – пятидесяти километрах от этой позиции, и я был очень обеспокоен, сумеют ли они своевременно отойти на новый рубеж, сумеют ли незаметно оторваться от противника, как это было сделано южной группой 17 августа.

В середине дня мы встретились с генералом Ф. И. Голиковым, который по заданию командующего фронтом также производил рекогносцировку этого же рубежа. Филипп Иванович обрадовался, что нашел, кому передать этот участок, а я был рад, что он тут же придал мне из своего резерва один полк противотанковой артиллерии, которым я мог кое-где прикрыть броды через реку Червленную.

Вечером 30 августа эту позицию обнаружила немецкая авиация, сбросив несколько бомб на батарею противотанкового артиллерийского полка.

О своей рекогносцировке и об обстановке на новом рубеже, а также о соседней 62-й армии я проинформировал Шумилова. Всю ночь и до полудня 31 августа мы не смыкали глаз,

ожидая появления отходящих на новый рубеж частей. Утром 31 августа нам уже стало ясно, что нашим частям не удалось незаметно оторваться от противника.

Отход частей 64-й армии совпал с началом нового наступления танковых дивизий 4-й танковой армии противника. Его танки и авиация непрерывно атаковали отходившие части. Переправившись через реку Червленую, полки 64-й армии тут же стали разворачиваться и занимать позиции для боя. Командный пункт армии разместился в балке Караватка, штаб армии – в совхозе «Горная поляна». Фланги 62-й и 64-й армий соединились у поселка Новый Рогачик. На левом фланге 64-я армия соединилась с 57-й армией Толбухина. Атаковать здесь нашу новую позицию с ходу противник не решился.

1 сентября правый фланг 6-й армии Паулюса соединился с левым флангом 4-й танковой армии Гота на реке Червленная в районе Старый Рогачик. К этому времени главные силы 62-й и 64-й армий уже были отведены на восток и занимали оборону по рекам Россоска и Червленная. Противнику удалось замкнуть клещи не по берегу Волги с захватом всего Сталинграда, а западнее его. Но в замкнутых клещах наших войск уже не было.

С этого времени главные силы 6-й армии Паулюса и 4-й танковой армии Гота были нацелены в основном на центральную часть города, вдоль железных дорог: Калач – Сталинград и Сталинград – Котельниково.

1 сентября немцы, по-видимому, подтягивали свои силы и занимали исходные позиции для дальнейшего наступления, а 2 сентября они подвергли сильной бомбардировке наши тылы, огневые позиции артиллерии и узлы связи. Наш запасный узел связи в балке Ягодной был выведен из строя. Гитлеровцы, очевидно, знали о расположении наших узлов связи и даже командных пунктов.

С утра 3 сентября после яростной бомбежки и артиллерийской подготовки немцы повели наступление по всему фронту. К 12 часам дня на левом фланге армии им удалось переправиться через реку Червленую. Командующий фронтом потребовал от нас немедленно восстановить положение. Генералу Шумилову было приказано выехать на высоту 128,2 и лично руководить контратакой.

Я и член Военного совета Абрамов со средствами связи и управления остались на командном пункте в балке Караватка, около хутора Попова. В середине дня к нам прибыл генерал Голиков. Ознакомившись с обстановкой и устно передав некоторые указания Военного совета фронта, он отправился дальше вдоль фронта. А через полчаса здесь началась бомбежка. Авиаразведка, по-видимому, обнаружила наш командный пункт. Уйти куда-либо в другое место мы не имели права: здесь связь, отсюда шло управление войсками, да и перемещаться по открытой степи под бомбежкой было невозможно.

Поэтому надо было сидеть и работать в блиндажах, перекрытых сверху не более как на четверть метра жердями и землей.

Мой рабочий столик с телефонами стоял напротив стола члена Военного совета Абрамова. Шесть квадратных метров площади с земляными стенками под низким перекрытием. Было жарко, душно и пыльно. Земля сыпалась через неплотно уложенные жерди и доски.

Просидев так несколько часов под бомбежкой, мы привыкли к ней и не обращали внимания на гул моторов и разрывы бомб.

Вдруг наш блиндаж будто подбросило кверху. Раздался оглушительный взрыв. Я не помню, как мы с Абрамовым очутились на земле, а столы и табуретки оказались перевернутыми. Над нами было небо, затянутое пылью; летели комья земли и камни, кругом раздавались крики и стоны.

Когда пыль несколько рассеялась, мы увидели в шести-восьми метрах от нашего блиндажа огромную воронку диаметром метров 12–15. Вокруг лежало несколько изуродованных трупов, валялись перевернутые автомашины, выведенная из строя радиостанция; проводная связь тоже оказалась нарушенной.

Промежуточный узел связи армии находился в районе поселка Ягодный, километрах в двух южнее основного командного пункта, который к этому времени был восстановлен. Я решил оттуда держать связь с войсками.

Вызвав свою машину с адъютантом Климовым и шофером Калимулиным, я направился в путь. Но едва мы выбрались из балки, как авиация противника начала снова бомбить наш командный пункт. Бомбили мелкими бомбами. Было видно, как Ю-88 на бреющем полете высыпали по десять-двенадцать бомб над балкой, а затем начинали гоняться за отдельными машинами. Один «юнкерс» устремился за нашей машиной. Тут нас спасли, скажу без прикрас, выдержка и расчет.

Не отрывая глаз от «юнкерса», я крикнул Каюму:

– Держи прямо и никуда не сворачивай!..

Увидев первую оторвавшуюся от самолета бомбу, я приказал повернуть резко направо. Машина на полном ходу круто развернулась градусов на девяносто. И пока бомбы долетели до земли, мы в это время отскочили в сторону метров на сто.

«Юнкере» сбросил около двенадцати бомб, но никто из нас не был ранен. Лишь на машине был пробит бачок аккумулятора, электролит вылился, и мотор не заводился. Все это происходило метрах в 300–500 от нашего командного пункта.

Пока Каюм возился с мотором, я поднялся на бугорок и увидел, как из хутора Цыбенко выдвигаются немецкие танки. Впереди десяток, затем другой, а в общем, около ста танков выходило из долины реки Червленной. Они выстраивались в колонну вдоль дороги, головой на север, в направлении к разъезду Басаргино.

И тут выяснилось, что когда авиация обрушила удар на войска и командный пункт армии, танки противника сумели преодолеть нашу оборону в районе Варваровка – Цыбенко. Сейчас эти танки находились в двух километрах от нашего командного пункта. Вскоре наша артиллерия открыла по ним огонь, и я решил не ехать на промежуточный узел связи. Вернувшись пешком к разбитому командному пункту, я снова встретился с генералом Голиковым, который, по-видимому, заехал узнать, что осталось от командного пункта.

Связь со штабом армии была уже восстановлена, и нам стало известно, что фашистские войска прорвали оборону 64-й армии не только возле поселка Цыбенко, но и около поселка Нариман.

Не лучше было на участке обороны 62-й армии. Там противник, прорвав оборону на реке Россоска, вышел на линию разъезда Басаргино.

До наступления темноты я оставался на командном пункте, и лишь ночью Шумилов отозвал нас всех на новый командный пункт в пяти километрах западнее Бекетовки, в лесу.

Войска 62-й и 64-й армий с тяжелыми боями отходили на последние позиции, к Сталинграду.

Нескончаемые людские потоки тянулись по дорогам. Колхозники, рабочие совхозов уходили целыми семьями. Они торопились к переправам через Волгу, угоняли с собой скот, увозили хозяйственный инвентарь – все ценное, чтобы ничего не досталось врагу.

Приведу несколько строк из воспоминаний директора животноводческого совхоза имени XIII лет РККА Дмитрия Ивановича Соловьева. Колонна его совхоза, эвакуировавшегося из-под Харькова, временно остановилась возле станции Прудбой на полевом стане Мариновского колхоза, что в 57 километрах западнее Волги.

«Чтобы быть в курсе событий на фронте, – пишет Соловьёв, – мы держали, связь с воинскими частями, спрашивали их, не угрожает ли нам опасность попасть в руки к фашистам со всем нашим совхозным добром.

Штаб танковой части, с которой мы поддерживали связь, ушел куда-то. Самолеты фашистов сбрасывали на нашу колонну бомбы и листовки, на бреющем полете обстреливали людей...

В ночь на 28 августа совхозная колонна выступила из Прудбоя. На дороге не было ни души, и нельзя было узнать обстановку.

За станцией Прудбой встретили командира саперной роты Карпенко, который после ухода наших частей минировал дороги и мосты. От него я узнал, что свободный путь остался только на Рогачинский совхоз. Но летняя ночь короткая, и до рассвета колонна продвинулась только на пятнадцать километров. Днем прятались в копнах скошенного хлеба, в ярах и в стогах сена. Фашистские самолеты не давали нам покоя, обстреливая из пулеметов колонну. Первой жертвой пал ездовой Осип Сериков, который отстреливался из найденной в поле винтовки.

Вечером я отправился на машине полевыми дорогами разведать путь на разъезд Басаргино, где, по словам встречаемых крестьян, немцев еще не было. Действительно, разъезд еще не был занят противником.

...Утром 31 августа сделали привал уже за разъездом Басаргино в балке. Днем от обстрела фашистских самолетов у нас погибла одна женщина и двое детей.

Вечером колонна двинулась по направлению станции Воропоново. Ночью встретил на дороге легковую автомашину, в которой ехали командиры. Они сказали нам, что если мы поспешим, то успеем проскочить к городу.

На рассвете 1 сентября колонна остановилась в лесу на окраине города. Обошлось без жертв. Все радовались, что избавились от такой большой опасности.

Я пешком пошел в разведку. Город горел. Улицы были забаррикадированы упавшими столбами, проводами, стенами. Городской сад, где собирались на митинг отправляющиеся на фронт коммунисты города, весь был изрыт воронками. Там не оставалось ни одного неопаленного дерева.

В землянке, возле устья реки Царица, я встретил харьковчанина Демченко, который обещал помочь в переправе через Волгу. Пришлось самим расчищать дороги в городе, чтобы проехать автомашинам, тракторам и обозу. На это ушло около суток.

Возле центральной переправы колонна простояла трое суток, пока появилась возможность переправиться через Волгу. Шли непрерывно бомбежки. Люди, почти не выходя, сидели в подвалах.

6 сентября колонна остановилась возле Средне-Ахтубинского моста, где были обнаружены раненые работники совхоза, отправившиеся сопровождать стадо нашего скота. Оказалось, эшелон, в который был погружен скот, на разъезде Средняя Ахтуба, фашисты разбомбили. Спасая совхозное стадо, 14 наших рабочих погибли, а 8 получили ранения».

Это письмо освещает обстановку и характеризует настроение советских людей, которые, не щадя собственной жизни, старались по мере сил помочь своему государству в борьбе с врагом.

Как дороги были последние километры и метры оставляемой земли!

Но советские воины в эти горестные дни отступления не пали духом, продолжали бороться.

3

5 сентября противник захватил станцию Воропоново и, подтягивая резервы, пытался развивать безостановочное наступление через станцию Садовая. Опасность удара противника в этом направлении усугублялась тем, что здесь проходил стык 62-й и 64-й армий. Я с группой офицеров штаба армии на трех автомашинах выехал в поселок Песчанка, в двух километрах от станции Воропоново. Перед нами стояла задача укрепить этот участок.

С северо-западной окраины поселка Песчанка была хорошо видна станция Воропоново, где стояли зенитные орудия противника, его пехота и танки. Появилась семерка самолетов

Ильюшина. Мы наблюдали, как они реактивными бомбами штурмовали зенитные батареи и скопления танков.

Засмотревшись на этот бой, мы не заметили подхода с юга нескольких фашистских самолетов Ю-88, которые, обнаружив наши машины, пошли в атаку.

На наше счастье, рядом оказался хороший блиндаж, в котором два-три дня назад размещался начальник тыла 64-й армии генерал Александров. Не долго думая, мы все скрылись в этом блиндаже, и, нужно признаться, вовремя. Трудно сказать, сколько самолетов бомбило западную окраину поселка, но нам казалось, что все бомбы разрываются возле нашего блиндажа. Бомбежка продолжалась минут десять.

Когда пыль рассеялась, мы увидели, что половина нашего блиндажа раскрыта. Было удивительно, как никто из нашей группы не пострадал ни от бомб, ни от обломков деревянного перекрытия.

Выйдя из блиндажа, мы увидели немецкие танки, атаковавшие наши позиции в Верхней Ельшанке со стороны Воропоново. В атаку шло около двадцати пяти танков и за ними пехота. Их встретили огнем наши танки, которые были хорошо замаскированы и укрыты в поселке Верхняя Ельшанка, и пехотные подразделения, находящиеся впереди танков.

После первых залпов семь фашистских танков загорелись, а остальные круто развернулись и полным ходом отошли на исходную позицию.

Я хочу предоставить слово участнику этого боя, ныне майору запаса Кириченко М. М. В Сталинграде он командовал взводом в 101-м гвардейском стрелковом полку 35-й гвардейской стрелковой дивизии.

«После упорных боев у станции Котлубань и села Малые Россошки наш 101-й гвардейский стрелковый полк 35-й гвардейской стрелковой дивизии получил приказ отойти к Сталинграду. Всю ночь подразделения полка с боями отходили, пробиваясь через боевые порядки противника, который мелкими группами вышел в тыл нашим частям.

Выйдя к утру 5 сентября на окраину Сталинграда, полк получил приказ срочно выдвинуться в район станции Воропоново и задержать там прорвавшиеся танки противника. Первая рота, находясь в головной походной заставе, первой вышла на указанный рубеж и начала окапываться.

В районе обороны роты до нашего прихода находилась артиллерийская бригада, имевшая на вооружении 76-мм пушки, которая вскоре снялась с позиции и отошла в глубину обороны. Вскоре и наша рота получила приказ отойти за линию железной дороги, где заняли оборону остальные подразделения полка.

По указанию командира роты я своим взводом занял позицию в освободившихся траншеях ушедшей артиллерийской батареи. Позади нас, на западной окраине Верхней Ельшанки и в садах южнее, стояли наши танки, хорошо укрытые от глаз противника.

В это время перед фронтом обороны роты появилось около 25–30 танков противника, которые, сосредоточившись в балке в 700–800 метрах от нас, начали готовиться к атаке.

Мы только что успели занять места для обороны, как танки противника, под прикрытием артиллерийского огня, пошли в атаку. Подпустив их метров на 200–300, я поддал команду: «Огонь!» Одновременно наши танки также открыли огонь из-за своих укрытий. С первых же выстрелов пять танков были подбиты, из них два задымили. Наш огонь и подбитые танки внесли замешательство в рядах противника. Он не ожидал такого внезапного огня.

Потеряв пять танков и несколько десятков автоматчиков из танкового десанта, противник вынужден был отойти на исходные позиции. Наступило кратковременное затишье. Через некоторое время противник вновь предпринял танковую атаку, теперь уже под прикрытием авиации и артиллерии. Сначала появились «музыканты» (самолеты с включенными сиренами), которые девятками пикировали на наши позиции и на окраину поселка Верхняя Ельшанка. Позиции нашей пехоты особенно были подвержены удару авиации.

Эта атака противника также была отбита, но и мы понесли большие потери. От нашей роты осталось несколько человек. Около наших окопов горели четыре танка, вновь подбитые нами и танкистами. В моем взводе вместе со мной осталось 7 человек. Мы израсходовали все противотанковые средства, отбиваться от танков было нечем. Я решил отойти на западную окраину Верхней Ельшанки. Кто вышел из боя, я не знал, так как противник усилил огонь, и я был контужен и засыпан землей. Очнулся я уже в медсанбате».

Хотя и с большими потерями с нашей стороны, особенно в стрелковых подразделениях, но все атаки противника были отбиты. В этом бою особенно отличились наши танкисты, которые своим метким огнем подбили и сожгли около 15 танков противника.

Отправившись к танкистам, я неожиданно встретил там командира части полковника Лебедева, с которым еще в 1937 году мы вместе служили в Киселевичах. Я тогда командовал механизированной бригадой, а Лебедев батальоном.

Наша встреча была короткой и последней. Лебедев погиб на самых ближних подступах к городу, не отходя от своих танков.

Проезжая обратно в штаб через совхоз «Горная поляна», мы наблюдали, как несколько «юнкерсов», став в боевой круг, пикировали на рощу, по-видимому, заметив в ней скопление войск и обозов. Несколько наших зенитных крупнокалиберных пулеметов вели огонь по вражеским самолетам. В огороде около дороги стояла грузовая машина с пулеметной установкой. Один Ю-88, отделившись от общего круга, пошел в атаку на эту машину. Пулеметчики – их было двое – не дрогнули и открыли по нему огонь. Трассирующие пули прошли корпус стервятника. Он пытался выйти из пике, но так и не вышел. Не далее ста метров от пулеметчиков фашистский самолет врезался в землю.

4

Прорвав фронт обороны наших войск на ближнем обводе и вынудив нас отойти на внутренний (городской) обвод, враг бросил основные силы в стык 62-й и 64-й армий, вдоль железной дороги от станции Карповка до Садовой. Он стремился во что бы то ни стало овладеть городом с ходу.

Перед фронтом 62-й армии и правым флангом 64-й армии действовала неприятельская группировка из десяти-двенадцати пехотных, трех танковых и трех моторизованных дивизий. В составе этой группировки насчитывалось до 600 танков. С воздуха ее поддерживали свыше 1000 самолетов 4-го воздушного флота.

Общее число самолето-вылетов на этом участке боев доходило до 1000 в день, не считая налетов на город.

Противник имел многократное превосходство над войсками Юго-Восточного фронта, обороняющими Сталинград, которые к этому времени состояли уже из соединений, в значительной мере ослабленных. В некоторых дивизиях 62-й и 64-й армий оставалось по 500–1000 человек. В десяти танковых бригадах, действовавших в полосах 62-й и 64-й армий, имелось всего лишь 146 танков. Превосходство противника в полосе 62-й армии было еще больше, о чем говорится ниже.

Соотношение сил 62-й армии и противника

62-я армия Войска противника Соотношение

Люди 45000 – 80000 1:1,8

Орудия калибра 76-мм и крупнее 85 – 630 1:7,5

Орудия ПТО 260–490 1:1,9

Минометы калибра 82-мм и крупнее 150–760 1:5

Танки 108–390 1:3,6

Учитывая тяжелую обстановку под Сталинградом, Ставка своей директивой от 3 сентября потребовала от своего представителя генерала армии Г. К. Жукова решительных действий. Ставка указывала: «Положение под Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от города. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленной помощи. Потребуйте от командующих войсками, стоящими к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику... Промедление теперь равносильно преступлению».

К этому времени севернее города сосредоточивались три армии Сталинградского фронта: 24-я армия под командованием генерал-майора Д. Т. Козлова в составе пяти стрелковых дивизий и одной танковой бригады;

66-я армия под командованием генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского в составе шести стрелковых дивизий и четырех танковых бригад. Кроме того, заканчивалось укомплектование и сосредоточение 1-й гвардейской армии К. С. Москаленко в составе восьми стрелковых дивизий и на подходе к фронту находились три танковых корпуса (4-й, 7-й и 16-й).

В состав Сталинградского фронта была включена 16-я воздушная армия, в которой имелось около 100 самолетов. Указанием Ставки эта воздушная армия использовалась для поддержки войск, контратакующих противника с севера и северо-запада.

Во исполнение задачи, поставленной Ставкой, командующий Сталинградским фронтом решил, кроме вышеупомянутых сил трех армий (24-й, 66-й и 1-й гвардейской) привлечь для контрудара левофланговые силы 4-й танковой армии. 8-й и 16-й воздушным армиям было приказано прикрыть группировки войск фронта при сосредоточении и ударами по живой силе и боевой технике врага обеспечить наступление войск.

Цель контрудара – разгром сил противника между Доном и Волгой и выход наших войск на левый берег Дона и на реку Донская Царица.

Мы знали, что севернее Сталинграда, между Волгой и Доном, сосредоточиваются крупные силы для контрудара, который должен прорвать образовавшийся коридор от Вертячий, Волга, отбросить немцев от города и соединиться с войсками 62-й армии.

Вместе с тем должен сказать, что с выходом немецких войск с рубежа рек Россошка и Червленная к внутреннему обводу, темп продвижения противника снизился. Он на ходу приступил к пополнению и перегруппировке своих сил, готовя войска к штурму города.

Мы, оборонявшие город, полагали, что Ставка Верховного Главнокомандования и командование фронта выберут момент для удара по флангу немецкой группировки, когда армия Паулюса увязнет в городских боях.

Теперь мы все знаем, что происходило на севере от Сталинграда.

Наступление 1-й гвардейской армии под командованием К. С. Москаленко сначала было назначено на 2 сентября. Но она к этому сроку не успела выйти на исходные рубежи.

Представителем Ставки на Сталинградском фронте в это время был Г. К. Жуков, облеченный всей полнотой власти, как заместитель Верховного Главнокомандующего. Ставка непрерывно требовала от него ввода в бой трех армий.

В своих воспоминаниях Г. К. Жуков приводит такой телефонный разговор с Верховным, в ответ на его просьбу отсрочить контрудар на срок, необходимый для полного сосредоточения всех войск и средств их усиления. Товарищ Сталин говорил:

«– Думаете, что противник будет ждать, пока вы раскочуетесь?.. Еременко утверждает, что противник может взять Сталинград при первом же нажиме, если вы не ударите с севера».

Далее Г. К. Жуков пишет:

«Я ответил, что не разделяю эту точку зрения и прошу разрешения начать наступление 5-го, как было ранее намечено. Что касается авиации, то я сейчас же дам приказ бомбить противника всеми силами».

Я далек был в то время от такого рода переговоров с Верховным и от действий высоких штабов. Но я полностью подтверждаю правоту Г. К. Жукова. Противник был остановлен на внутреннем обводе, темп его наступления был медленный и нерешительный. Прорваться к городу и взять город – это вещи разные. В пригородах наши войска сражались упорно, и в уличных боях враг не мог не увязнуть.

Но Ставка торопила.

3 сентября перешла в наступление 1-я гвардейская армия. Но наступление она начала без достаточной артиллерийской и авиационной подготовки и поддержки, не успев подтянуть к исходным позициям всех своих сил. Наступление захлебнулось в первые же минуты под ответным огневым и авиационным ударом противника.

На внутреннем обводе в это время противник вел перегруппировку сил и наступления на город еще не начинал. Не произошло у нас изменений и до 5 сентября.

5 сентября Г. К. Жуков, выполняя приказ Ставки, начал наступление тремя армиями – 1-й гвардейской, 24-й и 66-й.

Но опять же наступление было не подготовлено. Г. К. Жуков пишет, что плотность артиллерийского огня была незначительной, она не обеспечивала подавления огневых систем огня противника, ожидаемых результатов не дала. Наши войска были остановлены.

Тяжелые бои к северу от города продолжались до 15 сентября. Войска вводились в бой прямо с пятидесятикилометрового марша. Но продвинуться или сбить противника с позиций и прорваться на юг, к городу не смогли.

12 сентября заместитель Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуков и представитель Государственного комитета обороны Г. М. Маленков послали следующий документ в Ставку.

«Москва, тов. Сталину.

Начатое наступление 1-й, 24-й и 66-й армий мы не прекращаем и проводим его настойчиво. В проводимом наступлении, как об этом мы Вам доносили, участвуют все наличные силы и средства.

Соединение со сталинградцами не удалось осуществить потому, что мы оказались слабее противника в артиллерийском и авиационном отношении. Наша 1-я гв. армия, начавшая наступление первой, не имела ни одного артиллерийского полка усиления, ни одного полка ПТО и ПВО.

Обстановка под Сталинградом заставила нас ввести в дело 24-ю и 66-ю армии 5.9, не ожидая их полного сосредоточения и подхода артиллерии усиления. Стрелковые дивизии вступили в бой прямо с пятидесятикилометрового марша.

Такое вступление в бой армий по частям и без средств усиления не дало нам возможности прорвать оборону противника и соединиться со сталинградцами, но зато наш быстрый удар заставил противника повернуть от Сталинграда его главные силы против нашей группировки, чем облегчилось положение защитников города, который без этого удара был бы взят противником. Никаких других и не известных Ставке задач мы перед собой не ставили».

Думаю, что в те дни ни Г. К. Жуков, ни Г. М. Маленков не могли правильно оценить из-за отсутствия полных данных значимость переброшенных Паулюсом войск против нашего наступления с севера. Поэтому в документе могло появиться утверждение, что от Сталинграда переброшены «главные силы». Теперь нам доподлинно известно и из наших источников и из немецких данных, что Паулюс перебросил всего лишь две дивизии с северо-западных подступов к городу. Против Сталинграда оставались задействованными двенадцать дивизий противника, которые готовились для атаки города.

В книге «Великая победа на Волге» под редакцией Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского так оцениваются эти события.

«Основной причиной неуспеха советских войск, несмотря на их превосходство в силах и средствах к началу наступательных действий, являлось то, что группировка сил левого крыла

Сталинградского фронта не отвечала сложившейся обстановке и не имела ярко выраженного направления главного удара для решения важной задачи – соединения с 62-й армией. Армии наступали в полосах шириной до 12 километров, в растянутых боевых порядках, в строго намеченных границах армейских полос. Соединения армий не успели должным образом сориентироваться на открытой местности и организовать взаимодействие и управление. Группировка противника и система его обороны перед началом наступления и в ходе его вскрыты не были. В результате артиллерия и реактивные установки, не имея полных данных, оказались вынужденными во время артиллерийской подготовки атаки подавлять второстепенные цели, оставляя основные объекты без воздействия. Исходное положение пехоты для атаки находилось на большом удалении от переднего края противника».

Безусловно, это наиболее объективная оценка действий нашего командования на левом фланге сталинградской группировки противника.

5

Противник, отбивая контрудар войск Сталинградского фронта с севера, одновременно главный удар наносил с запада непосредственно на город. Его удары наносились в трех направлениях: силами 51-го армейского корпуса на Гумрак, Городище; второй, наиболее сильный удар силами 48-го танкового корпуса, в направлении – Карповка, Воропоново, Купоросное, в стык 62-й и 64-й армий; третий – 4-й армейский корпус наносил удар на Бекетовку, с целью выйти к Волге.

Войска 62-й и 64-й армий в течение 10 суток отбивали атаки противника, с тяжелыми боями медленно отходили на внутренний оборонительный обвод, доходило до рукопашных схваток. Некоторые подразделения погибали полностью, но не сдавали врагу обороняемых участков.

Командование фронтом, опасаясь прорыва противника к Волге и ее форсирования, приняло меры к обороне левого берега Волги на участке Средне-Погромное, Светлый Яр. На этом участке были развернуты пять танковых бригад 2-го танкового корпуса, но танков в этих бригадах не было.

Кроме того, на левом берегу была создана фронтовая артиллерийская группа, которая делилась на четыре подгруппы: северная в составе 86 орудий и минометов, для поддержки 62-й армии; южная – в составе 64 орудий и минометов, для поддержки 64-й армии; подгруппа Волжской военной флотилии в составе 16 орудий, как маневренная группа по Волге, и группа зенитной артиллерии.

К 12 сентября войска 62-й и 64-й армий под давлением превосходящих сил противника, несмотря на героическое сопротивление, вынуждены были отойти на городской оборонительный обвод. К этому времени противник в районе Купоросное вышел к Волге и изолировал 62-ю армию от остальных войск фронта. На 62-ю армию была возложена задача оборонять центральную часть Сталинграда и заводские районы. Ее фронт обороны проходил от правого берега Волги у поселка Рынок, через Орловку, восточное Городища и Разгуляевки, опытная станция, железнодорожная станция Садовая, Купоросная. Максимальное расстояние от берега Волги у Орловки около 10 километров. С 13 сентября начались бои непосредственно за город.

6

Полтора месяца боевой жизни многому меня научили. Я имел возможность изучить врага в боевой обстановке, проанализировать его оперативные и тактические замыслы.

Глубокие клинья, сходящиеся в глубине в одну точку, – основа всех тактических и оперативных замыслов немецких генералов. Имея превосходство в авиации, а также в танках,

захватчики сравнительно легко прорывали нашу оборону, вбивали клинья, создавали видимость окружения и тем самым заставляли наши части отходить. Но достаточно было упорной обороной или контратаками остановить или разбить один из клиньев, как второй уже повисал в воздухе, ища опоры.

Так было за Доном. Когда ударный клин 51-го армейского корпуса немцев был остановлен на реке Чир, то второй ударный клин повис в районе Верхне-Бузиновки. Так было и на юге. 64-я, 57-я армии в августе отбили атаки противника с юга и с юго-запада – его вторая группировка, выйдя к Волге, севернее города, больше недели бездействовала.

В тактике противник сохранял шаблон. Пехота бодро шла в наступление лишь тогда, когда танки находились уже на объекте атаки. А танки обычно шли в наступление лишь тогда, когда над головой наших войск висела авиация. Достаточно было нарушить этот порядок, как наступление противника приостанавливалось и его части откатывались назад.

Так было на Дону, когда 112-я дивизия несколько дней подряд успешно отбивала атаки в районе Верхне-Чирской и Новомаксимовский. Авиация противника боялась подлетать близко к нашим позициям, так как рядом был сосредоточен мощный узел зенитной артиллерии, прикрывавший железнодорожный мост через Дон.

Так было и на реке Аксай. Танки противника не успели поддержать свою пехоту, и она вскоре была отброшена назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.